

38669

М Шевченко

4. 38669

11/37

T. I. Uebrewo

Гайдарова.

И.	Век

38669.

Ш 37.

38669

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ГАЙДАМАКИ

**ПЕРЕВОД
БОРИСА ТУРГАНОВА**

**ИЛЛЮСТРАЦИИ
А. СЛАСТЕНА**

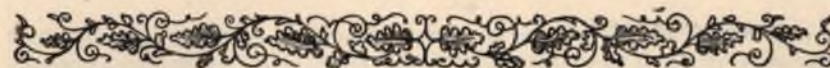
БІБЛІОТЕКА
 Станіславського педагогічного
 Інституту
 № Шифр

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
МСМХХХІХ

НБ ПНУС

38669

Переплет, титул и орнаментация книги
художника А. Морозова—Лас

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

И ЕГО ПОЭМА

«ГАЙДАМАКИ»

В автобиографии великого поэта украинского народа Тараса Григорьевича Шевченко находим следующие слова: «...История моей жизни составляет часть истории моей родины».

С этим утверждением нельзя не согласиться. В биографии Шевченко, в его трудном жизненном и творческом пути отразилась судьба его родины, Украины, находившейся под невыносимым гнетом крепостного права и самодержавия.

Через творчество Тараса Шевченко проходит одна основная линия—пламенная любовь к отечеству, замученному врагами. Он пронес через всю жизнь ярую ненависть к царству «неудобозабываемого Тормоза», как он иронически называл Николая I. Сердце поэта горело гневом и жаждой борьбы за освобождение трудового народа. К этому звал он в своих стихах и поэмах, в своих русских повестях на всем протяжении своей, к сожалению, недолгой жизни. Иногда страдания переполняли его сердце—и тогда из груди вырывались стоны и жалобы. Однако это не означало слабости и усталости. Ни тяжелое детство, ни тюрьма и ссылка, ни нужда и лишения не ослабили его революционного пыла. Он преодолевал все запреты писать и рисовать, и к нему как нельзя лучше применим героический облик Прометея, созданный поэтом в поэме «Кавказ». Орел самодержавия клевал и разрывал на части сердце Прометея—Шевченко.

Однако этот орел

Разрывает, но живучей
В нем не выпьет крови:
Сердце снова оживает
И смеется снова.
Не умрет и наша правда,
Не умрет и воля...

Вера в бессмертие правды и воли родного народа окрыляла поэта и придавала ему творческие силы в самые тяжелые минуты его жизни.

Еще будучи крепостным мальчиком помещика Энгельгардта, еще живя круглым сиротой у чужих людей из милости, Тарас Шевченко жадно тянулся к знанию, к просвещению, к живописи и поэзии. Особенно чуток он был к восприятию светлой и радостной украинской природы. Пейзажи родной земли—вишневые сады, ручейки, журчащие в долине, широкий седой Днепр, степь с черневшими на ней курганами, могилами украинских казаков, оживали в поэзии Шевченко.

Поэт широко черпал темы и образы для своих произведений в неистощимых источниках народного творчества—в думах, песнях, сказаниях и легендах, воспевавших бурную историю украинского народа и его многовековую борьбу с иноземными захватчиками и угнетателями.

В детстве Шевченко увлекался народными певцами—кобзарями, бандуристами, лирниками, вспоминавшими героическое прошлое Украины. Звенигородский уезд, родина поэта, не раз был ареной кровавых событий. Не раз поднимались крестьяне против своих угнетателей. Глубокий старик, дед поэта Иван в долгие зимние вечера рассказывал о том, как украинские казаки гнали польскую шляхту со своей земли. Он вспоминал украинских гетманов Сагайдачного и Хмельницкого, он рассказывал о главарях великого крестьянского восстания XVIII века—Гонте и Железняке.

Все эти впечатления детских лет остались в памяти Шевченко на долгие годы, и он навсегда сохранил любовь к истории родной земли. Круг чтения Шевченко, студента петербургской Академии художеств, выкупившегося на волю в 1838 году благодаря влиятельным друзьям,—был весьма обширен. В богатой библиотеке своего учителя, знаменитого живописца Карла Брюллова, он нашел и перечитал лучшие произведения классиков и современных ему писателей. Исторические сочинения особенно привлекали внимание Шевченко. Он искал в них рассказы о «вековых потрясениях, испытанных некогда Украиной в непрерывной борьбе за... независимость с иноплеменными хищными соседями».

Из этих соседей, раздиравших на части Украину, особенно страшным врагом была шляхетская Польша. Борьбе украинского народа с польскими панями Шевченко в своем творчестве уделил особое внимание. Уже

в его ранних стихах мы находим мотивы этой борьбы и славы, завоеванной народом украинской земли. Теме этой борьбы посвящена и первая большая поэма Шевченко «Гайдамаки».

Очевидно, поэт давно задумал написать эту поэму. По крайней мере в своем «Дневнике» Шевченко, вспоминая о годах ученичества, пишет: «...Перед его (Брюллова) дивными произведениями я задумывался и лелеял в своем сердце своего слепца Кобзаря и своих кровожадных гайдамаков».

Работая в роскошной мастерской Брюллова, поэт мечтал о своей «прекрасной, бедной Украине во всей непорочной меланхолической красоте».

Осенью 1839 года Шевченко начал писать поэму «Гайдамаки». Ему было тогда 25 лет.

На протяжении веков Польша тянулась к плодородной украинской земле. Особенно усилился натиск Польши на Украину с конца XIV века. Уже в половине XVI столетия Польше удалось завладеть частью Подолии и Волыни. Уния Польши с Литвой (так называемая Люблинская уния 1569 года) передала Польше находившиеся в руках Литвы украинские земли.

Польская шляхта к середине XVII века завладела обширными землями Украины. Закрепощая украинское население, польская шляхта создавала на захваченных землях имения—фольварки. Украинский народ был обложен высокими податями и вынужден был исполнять тяжелые земледельческие работы для панов—земельных магнатов. Террор царил на Украине. Тюрмы были переполнены непокорными украинцами. Их пытали, мучили, насиловали их жен, убивали их детей.

В 1596 году в Бресте была заключена религиозная уния, которая подчиняла православную церковь на Украине польскому католическому духовенству и римскому папе. Наступление униатства и католицизма развернулось во всю ширь; национально-религиозный гнет с конца XVI века царил на Украине.

Конец XVI века и весь XVII век насыщен восстаниями народных масс Украины против польских насильников. Герои украинского народа—Лобода, Наливайко—в XVI веке, Трясило, Павлюк, Гуня—в XVII веке вели кровавую борьбу с польскими панями. Только в середине XVII века талантливый полководец Богдан Хмельницкий разбил наголову поляков и освободил Украину от польского гнета. В 1654 году Украина присоединилась к Московскому государству; однако панская Польша не теряла надежды вновь завоевать Украину. В результате затяжных войн, совершенно разоривших правобережную Украину, эта часть страны на некоторое время снова отошла к Польше.

На правобережной Украине конца XVII века польские паны вводят старые крепостные порядки. Народ, сбросивший с себя узы рабства

после кровавой войны 1648—1654 гг., снова подпал под власть польских панов. Попрежнему крепостной гнет сопровождался национально-религиозным; попрежнему украинский народ томился в неволе. Неудивительно, что в XVIII веке на Украине возникали мощные крестьянские восстания, так называемая «гайдачина». Гайдаки, крестьяне-повстанцы, жестоко расправлялись с панами-насильниками.

Это был период упадка шляхетской Польши. На польском престоле сидел Станислав II Август Понятовский. Он был ставленником русской царицы Екатерины II и послушным орудием ее политики.

Против Понятовского восстала часть шляхты и в 1768 году под руководством Пулавского создала вооруженный союз—Барскую конфедерацию. Банды конфедератов грабили и разрушали Украину, издеваясь над народом.

Против дикого разгула шляхты поднялось народное восстание, вошедшее в историю под именем «Колиивщины». Это восстание и описано в поэме «Гайдаки». Поэт был захвачен размахом революционного крестьянского восстания. Уже много лет спустя в одной из своих повестей Шевченко писал: «В чем другом... а в событиях, подобных 1768 г., земляки мои не уступали любой европейской нации, и даже в 1768 году перещеголяли первую Французскую революцию».

В «Гайдаках» Шевченко дал широкую картину крестьянской революции, жестокой, стихийной, незрелой, но рожденной жаждой правды и свободы.

Поэт привлекал для своего произведения главным образом источники устные, рассказы и легенды, песни кобзарей, переходившие из рода в род. В эпилоге к поэме говорится:

Бывало, под праздник, захлопнув Минею,
Выпивши с соседом, чтобы жить дружнее,
Отец просит деда,—снова б рассказал
Про Колиивщину, как тогда гуляли,
Как Железняк, Гонта ляхов покарал...
Столетние очи, как звезды, сияли,
А слово за словом смеялось, лилось:
Как ляхов кончали, как Смела горела...
Соседи от страха, от скорби немели.
Да и мне, младенцу, не раз довелось
Над ктитором плакать. И никто не знает,
Что малый ребенок за печкой рыдает...

Книжные источники о Колиивщине были весьма незначительны, и большинство их перечислено самим Шевченко в его примечаниях к поэме. Поэт в общем правильно изложил ход восстания, его возникновения и развитие.

В «Интрадукции» Шевченко нарисовал картину упадка шляхетской Польши, которая некогда была сильна и воевала с татарами, с султаном, с немцами и обессилела под конец из-за анархии и разрухи, охвативших страну. Конфедераты—заносчивые, кровожадные насильники—разбрелись по Украине:

Разбрелись, и позабыли
Защищать свободу,
С торгашами побратались
На горе народу.
Разрушали, истязали,
Церкви жгли, громили...
На ту пору гайдаки
Ножи освятили.

С «освященными» ножами восстали крестьяне на защиту поруганного и разгромленного отечества.

В широких эпических тонах дал Шевченко картину восстания гайдамаков:

...завонили
По всей Украине;
Закричали гайдаки:
«Сгинет шляхта! Сгинет!
Сгинет шляхта! Погуляем—
Небу станет жарко!»
Занялась Смелянщина,—
Небо светит ярко...
Горит Корсунь, горит Канев,
Чигирин, Черкассы...

Восстание возглавляет Максим Железняк. Его гайдаки громят польскую шляхту, поджигают помещичьи усадьбы. Восстание зарождается в Чигиринском районе; оттуда Железняк, Неживый и другие главарь повстанцев повели свои отряды. К Железняку присоединились казаки под начальством Ивана Гонты. Повстанцы заняли город Умань и три недели держали его в своих руках. Царское правительство, испуганное неожиданным размахом крестьянских волнений, послало свои войска на помощь полякам. Восстание было разгромлено. Железняка сослали в Сибирь на каторгу. Гонту поляки казнили после страшных пыток.

События 1768 года Шевченко изобразил как борьбу за свободу и независимость. В образах Железняка и Гонты Шевченко показал сильных, волевых людей, спасающих родину от польских захватчиков. В пред-

словии к поэме Шевченко пишет: «Гонта и Железняк, атаманы того кровавого дела, может выведены у меня не так, каковы они были,— за то не ручаюсь». Он подчеркивает, что для него основное—не историческая точность, а идея борьбы за правду и свободу.

Наперекор реакционным историкам, изображавшим гайдамачину как анархию и грабеж, Шевченко видит в гайдамаках борцов за свободу.

Сквозь пышную ткань романтики Шевченко дал в своей поэме реалистическое изображение событий, развертывающихся на пестром и живом фоне. С особой нежностью Шевченко нарисовал забитого батрака Ярему, превращающегося в яростного бойца против насильников—польских шляхтичей. С тонким лиризмом показана любимая Яремы, Оксана, провожающая его на бой с панами. Колоритная фигура слепого кобзаря, образы казацких старшин—все это живые люди эпохи, когда «ходили гайдамаки с святыми ножами».

Поэмой «Гайдамаки» Шевченко входит в общее русло европейской освободительной литературы конца XVIII и первой половины XIX века.

В драме молодого Шиллера «Разбойники» дана полнокровная фигура Карла Моора, выступающего против насилий и гнета феодального общества. Таких же идеализированных бунтарей изображал Байрон в так называемых «восточных поэмах». Генрих Гейне также в молодости увлекался «разбойничьими романами» и рисовал фигуру Ринальдо Ринальдони. В далекой Грузии родились сказания о «благородном разбойнике» Арсене из Марабды. Так и Шевченко, рассказывая о событиях 1768 года, показывая прошлое Украины, прославил «козацкие дела», видя в них подвиги борцов за независимость.

Огненная тема крестьянской революции овладевает поэтом. Он не раз еще возвратится к изображению могучей стихии народного гнева. В стихотворении «Холодный яр» (1845 г.) Шевченко полемизирует с теми реакционерами и царскими патриотами, которые кричали: «Гайдамаки—не воины, а разбойники, воры, пятно в нашей истории...» Шевченко яростно выступает против таких фальсификаторов истории: «За святую правду—волю разбойник не встанет, не раскует закованный вами в цепи народ темный, не зарежет лукавого сына, не разобьет живое сердце за свою родину». И поэт предсказывает, что грозные дни крестьянского восстания повторятся уже в его дни и «повеет огонь новый из Холодного яру».

В современной Шевченко обстановке поэма «Гайдамаки» звучала не только как историческое произведение. Рисуя угнетенное положение украинского народа, развертывая эпизоды кровавой борьбы гайдамаков с польскими панами, Шевченко вызывал в читателях ненависть к богачам и угнетателям. Недаром после появления «Гайдамаков» предводитель дворянства Каневского уезда доносил по начальству, что это сочинение

«крайне опасно для дворянства и для других сословий общества, ибо народ, видя исключительно только изображения мести, резни, кровопролития, побуждается к тому, чтобы повторить эти дела, столь прославленные».

Естественно, что царская цензура весьма неохотно разрешила к печати бунтарскую поэму: «Было мне с «Гайдамаками» много горя,—писал Шевченко в марте 1842 года,—насилу выпустил цензурный Комитет—«возмутительно!», да и кончено».

Поэма, напечатанная в декабре 1841 года, разошлась довольно быстро и имела большой успех в передовых кругах украинского общества. Это—первое по времени крупное произведение Шевченко. Великий патриот, он воспел в «Гайдамаках» героев многовековой борьбы его родины со злейшими врагами трудовой Украины. Он сделал это в высокохудожественной форме, поражая богатством стихотворных ритмов, волнующих образов, ярчайших лирических и эпических описаний. Здесь, как и в каждом подлинном произведении искусства, глубокое идейное содержание сочетается с великолепной, доходчивой до миллионных масс, национальной формой.

Сквозь дымные пожары украинских сел и городов, сквозь смерть и разрушение, сквозь насилия, издевательства и пытки разгулявшейся шляхты—сквозь весь этот хаос и анархию гулким призывом к борьбе за лучшее будущее звучит голос поэта, согретый большим и теплым оптимизмом. Недаром Добролюбов так высоко ценил поэму «Гайдамаки», «чудно разнообразную, живую, полную силы и совершенно верную народному характеру...»

Эта народность, пронизывающая всю поэму Шевченко, придает ей своеобразный и яркий колорит. Перевести такую поэму—нелегкое дело. Русские поэты и переводчики: Гербель, Белоусов, Мей, Сологуб делали попытки передать чудесное произведение Шевченко. Работа Б. Турганова, предлагаемая ныне вниманию советского читателя, отличается близостью к подлиннику и четкостью отделки. К юбилейным дням великого певца украинского народа выход «Гайдамаков» в этом новом переводе весьма своевременен.

Александр Дейч

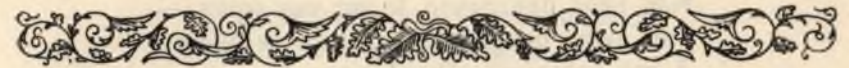

ГАЙДАМАКИ

ПОЗМА

Василию Ивановичу
ГРИГОРОВИЧУ

в память о 22-м апреля
1838 года

се идет, проходит—без меры, без края...
Куда исчезает? Откуда пришло?
Ни глупый, ни умный об этом не знает.
Живет... умирает... одно расцвело,
5 Другое завяло, навеки завяло...
Лишь ветер играет сухою листвою.
А светлое солнце взойдет, как бывало,
И звезды ночные своей чередой
Поплывут, как прежде... И ты, белолицый.
10 По синему небу выйдешь погулять;
Выйдешь поглядеться в ручеек, в криницу
И в бездну морскую, и будешь сиять,
Как над Вавилоном, над его садами,—
И над тем, что будет с нашими сынами.
15 Ты вечен, бессмертен!.. Люблю толковать,
Как с братом, с сестрою, толковать с тобою;
Поведать ту песню, что ты нашептал.
Так вновь посоветуй, как мне быть с тоскою?
Я не одинок ведь, я не сирота:
20 Есть у меня дети, да куда их дети?
Взять с собой в могилу?—Грех: душа—жива!
А, может, ей легче станет на том свете.
Если прочитают те слезы-слова,
Какие когда-то она изливала,
25 Какие когда-то тайком прорыдала.
Нет, не схороню их, ведь душа жива!

Как небо прозрачно, и нет ему края, —
Так душа рожденья и смерти не знает.
А где исчезает?—Пустые слова!
30 Так пусть же вспомнят ее на сем свете, —
Бесславному горько сей свет покидать.
Дивчата, старайтесь ее вспоминать!
Она вас любила, в прекрасном расцвете,
Любила о вашей судьбе напевать.

35 Пока солнце встанет—почивайте, дети!
А я атамана буду вам искать.

Сыны мои, гайдамаки!
Свет широк, приволен!
Ну что ж, сыны, погуляйте,
40 Поищите доли!
Сыны мои, малолетки,
Недоумки дети!
Кто вас, бедных, без матери
Приголубит в свете?
45 Сыны мои, орлы мои!
Путь на Украину,—
Хоть и горе нам встретится,
Всё не на чужбине.
Там найдется сердцем щедрый,
50 Не даст гибнуть брату;
А тут... а тут... горько, дети!
Хоть и впустят в хату,
Так, встречая, посмеются,—
Вот какие люди:
55 Все большие, ученые,
Солнце даже судят:
«Не оттуда, мол, восходит,
Да не так и светит;
Вот так, видишь, светить надо...»
60 Ну, что им ответишь?

Надо слушать; может, вправду
Не так солнце всходит,
Как угодно грамотеям...
Не всходит по моде!
65 А что ж о вас они скажут?
Знаю вашу славу!
Посмеются, поглумятся
Себе на забаву.
«Закинем, мол, их под лавку,
70 Пусть отец проснется,
О гетманах так, как надо,
Сказывать возьмется,
А то, дурень, толкует нам
Мертвыми словами,
75 Да какого-то Ярему
Вывел перед нами,
Лапотника. Дурень, дурень!
Бит ведь, а все сплыло.
От гетманов, от козаков—
80 Одни лишь могилы,
Вот и все, что сохранилось,
И те поразроют.
А он хочет, чтоб слушали,
Как нищие ноют.
85 Труд напрасный, друг-приятель:
Ждешь судьбы хорошей,
Хочешь славы да почета,—
Ты пой про «Матрешу»,
Про «Парашу—радость нашу»,
90 Султан, паркет, шпоры.
Вот где слава! А что слова:
«Ходит сине море»,—
И сам плачешь; за тобою
Вся твоя громада
95 В драных свитках!..» «Вот спасибо!
Учите, как надо!

Тепел кожух, только жалко—
Не по плечам шитый,
А премудрые советы
100 Брехнею подбиты!

Не взыщите!.. Хоть кричите,
Я слушать не буду,
И не подойду с поклоном
К премудрому люду,
105 Пусть я дурень; в своем углу
Один, наудачу,
Сложу песню—сердцу тесно,
Как дитя заплачу.

Сложу песню—ветер веет,
110 Ходит сине-море,
Степь чернеет, и курганы
С ветром в разговоре.

Сложу песню—и курганы
Раскрылись глубоко;
115 Мчатся к морю запорожцы
По степи широкой.

Атаманы на вороных
Перед бунчуками
Выступают... А пороги
120 Между камышами
Ревут, стонут и страшное
Пророчат, бушуя.

Прислушаюсь, затоскую,
У старцев спрошу я:
125 «Что вы, отцы, печалитесь?»
«Невесело, сыне!

Днепр могучий разгневался,
Плачет Украина...»
И я плачу... а в ту пору
130 Пышными рядами
Выступают атаманы,

Сотники с панами,
И гетманы—все в золоте.
К убогому сыну
135 Пришли, сели со мной рядом
И про Украину
Без умолку толкуют мне:
Как Сечь созидали,
Как козаки на байдарах
140 Порог проплывали;
Как гуляли в синем море,
Грелись у Скутари,
Да как, трубки закуривши
В Польше на пожаре,
145 На Украину возвращались,
Да как пировали!
«Звонче, кобзы! Чары об-земь!»—
Козаки кричали.
Шинкарь знает, наливает,
И не отвернется;
150 Кобзарь грянул, а козаки—
Вся Хортица гнется—
Метелицу да гопака
Толпой отдирают;
155 Кубок ходит, переходит,
В руках высыхает.
«Гуляй снова без обнови!
Ходи, буйный, полем!
Звонче, кобзы, чары об-земь,
160 Пока выйдет воля!»
Руки в боки, да вприсядку
Старики с юнцами:
«Вот так, дети! Славно, дети!
Будете панами!»
165 На пиршестве атаманы,
Точно на совете,
Важно ходят, речь заводят...

И вдруг, словно дети,
Не вытерпев, ударили
170 Старыми ногами...
А я гляжу, вспоминаю,
Смеюсь со слезами.

Любуюсь, смеюсь я, слезы утираю...
Нет, не одинок я, есть с кем в свете жить!
175 В комнатке убогой, как в степи без края,
Козаки гуляют, лощина гудит;
В комнатке убогой вал морской играет,
Курганы тоскуют, и тополь шумит,
И девушка Г р и ц я в тиши напевает.—
180 Нет, не одинок я, есть с кем век прожить

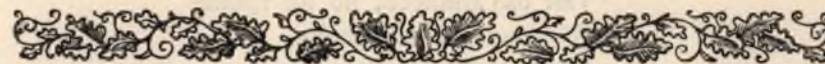
Вот где счастье да богатство,
Вот где моя слава!
А за помощь—спасибо вам,
За совет лукавый!
185 Хватит с меня, пока живу,
И мертвого слова,
Чтоб изливать свое горе,—
Так будьте здоровы!
Пора сынам собираться
190 В дальнюю дорогу.
Пускай идут! Может, найдут
Друга у порога,
Он приветит моих деток
Старыми слезами.
195 Хватит с меня! Скажу снова:
Пан я над панами!

Вот так, сидя над бумагой,
Думаю-гадаю:
Кого просить? Кто поведет?
200 За окном светает;

Погас месяц, горит солнце.
Гайдамаки встали,
Помолились, снарядились,
Вокруг меня стали.
205 Грустно-грустно, как сироты,
Молча поклонились:
«Благослови, молвят, отче,
Пока дети в силе,
Благослови искать счастья
210 На широком свете».
Погодите! Свет—не хата,
А вы—словно дети,
Недоумки. Кто, учитель,
Пойдет перед вами?
215 Кто поведет? Горе, дети,
Одно горе с вами!
Выростил вас, выпестовал,
Все повыврастали,
В мир идете; нынче все там
220 Учеными стали.
Уж простите—не учил вас:
Ведь и меня били,
Крепко били, а чему-то
Все же научили!
225 Т м а, м н а знаю, а о к с и ю
И нынче не знаю.
Что ж вам скажут? Идем, сыны,
Счастья попытаем!
Есть отец, для сердца милый
230 (Родного не стало)—
Нам поможет добрым словом:
Сам ведал, бывало,
Как печально жить на свете
Сиротой безродным;
235 А к тому же—сердцем щедрый.
Козак благородный!..

Не отрекся он от слова,
Что мать напевала,
Как младенца пеленала,
240 Кольбель качала.
Не отрекся он от слова,
Каким Украину
Слепец нищий поминает,
Тоскуя у тына.
245 Любит ее, песню правды,
Козацкую славу,
Любит ее! Идем, сыны,
В совет нелукавый!
Не попадись он навстречу
250 При лихой године,
Давно б меня схоронили
В снегу на чужбине;
Схоронили, да сказали:
«Вот еще никчемный!..»
255 Тяжко без вины томиться
В тоске неуёмной.
Страшен сон, да все минуло...
Ступайте, орлята!..
Если прежде на чужбине
260 Он не выдал брата,
И вас примет, улыбнется,
Как родному сыну.
А от него, помолившись,
В путь, на Украину!
265
Добрый день, отец мой милый!
Здесь же у порога
Благослови моих деток
В дальнюю дорогу!*

С.-Петербург
7 апреля 1841

ИНТРОДУКЦИЯ

Было время—была Польша,
Вельможная пани;
Состязалась с москалями,
С ордою, с султаном,
Да с немцами. Было время...
Чего не бывает?
275 Прежде шляхта, знай, чванится,
День и ночь гуляет,
Королями помыкает...
Не Стефаном, верно,
Или Яном Собиесским:
280 Эти—беспримерны,—
А прочими... Те, бедняги,
Смирно управляли:
Сеймы, сеймики шумели,
Соседи молчали,
285 Любовались, как короли
Из Польши сбегают,
Да слушали, как шляхетство
Хором возглашает:
«Nie pozwalam! Nie pozwalam!»
290 Шляхтичи хлопочут,
А магнаты палят хаты
Да сабельки точат.

Так бы длилось; но на троне
Польском и литовском
295 Появившись, начал править
Бравый Понятовский.

Лишь сел на трон, задумал тонко
Утишить шляхту... не сумел!
Добра хотел, как мать ребенку,
300 Иного, может быть, хотел.
Одно словечко «Nie pozwalam»
У шляхты вздумал отобрать,
И сразу... Польша запылала,
Панки взъярились—ну кричать:
305 «Гонóру слово, дáрма пра́ца!
Поганец, наймит москаля!»
На крик Пулавского и Паца
Встает шляхетская земля,
И—разом сто конфедераций!¹

310 Разбрелись конфедераты
По Литве, Волыни,
По Молдавии, по Польше
И по Украине.
Разбрелись, и позабыли
315 Защищать свободу,
С торгашами побратались
На горе народу.
Разрушали, истязали,
Церкви жгли, громили...
320 На ту пору гайдамаки
Ножи освятили.

ЯРЕМА

Ярема! Хам! Ты не оглох ли?
Живей, кобылу запрягай,
Хозяйке принеси пантофли,
Да мне в корчму воды подай.
Дров наколи, подмети хату,
Гусей, индюшек обойди,
Спустись на погреб, сбегай к стаду,
Проворней, хам!.. Эй, погоди!
330 Как справишься, ступай в Ольшану²:
Жена велела. Ну, не стой!
Пошел Ярема, сам не свой.

Так спозаранку, беспрестанно
Шинкарь беднягой помыкал.

335 Ярема гнулся—ведь не знал,
Не знал он, сердечный, что выросли крылья,
Что неба достанет, едва полетит,—
Не знал, подчинялся...

О, боже мой милый!

340 Трудно жить на свете, а хочется жить:
Хочется увидеть, как солнце сияет,
Хочется послушать, как море играет,
Как птицы щебечут, как ветер шумит,

Как звонко девчонка в лесу распевает...
345 О, боже мой милый, как весело жить!
Сирота Ярема, сирота убогий:
Ни сестры, ни брата, всеми позабыт!
Прислужник шинкарский, вырос при дороге,
А не клянет долю, людей не бранит.
350 Да за что бранить их? Разве знают люди,
Кого надо гладить, кого распинать?
Пускай торжествуют... Им судьба добудет,—
Безродному надо горбом добывать.
Бывало, поплачет тайком, за стеною,
355 Да и то не с горя, не станет тужить:
Что-нибудь припомнит, увидит порою..
И снова за дело. Вот так надо жить!
Не помогут братья, расшитые платья,
Если не с кем сердце, душу разделить!
360 Сирота Ярема—сирота богатый...
Есть с кем посмеяться, есть с кем погрустить
Есть карие очи—как звезды сияют;
Руки молодые—нежно обнимают.
Есть сердце на свете, сердечко девичье,
365 С ним смеется, плачет, никнет, оживает,
Как святой дух среди ночи
Над милым витает.
Вот таков-то мой Ярема,
Сирота богатый!
370 Таким и я когда-то был—
Пропало, дивчата!..
Миновалось, улетело,
Без следа пропало.
Сердце вянет, как припомню...
375 Зачем не осталось?
Зачем не осталось? Зачем миновало?
Легче было б слезы, тоску изливать.

Люди отобрали, всё им было мало:
«Зачем ему счастье? Надо закопать,—
380 Он и так богат ведь!»
Богат на заплаты,
На частые слезы—и не сосчитать!..
Счастье мое! счастье! Где тебя искать?
Прилети обратно, явись, как когда-то,
385 Хоть во сне приснись мне!.. Не хочется спать!
Люди добрые, простите!
Говорю нескладно,
Да ведь злое беда-горе
Кому не накладно?
390 Может, снова мы встретимся,
Пока поспешаю
За Яремою по свету?
А может... не знаю.
Горе, люди,—всюду горе,
395 Негде с ним приткнуться;
Куда, мол, толкает доля,
Туда надо гнуться.
Гнуться молча, улыбаться,
Чтоб люди не знали,
400 Что скрываешь в своем сердце,
Чтоб не приласкали.
Ведь их ласка... пускай снится
Счастливым беспечным,
А сироте—и не снилась,
405 Не снилась бы вечно!
Горько, тошно рассказывать,
А молчать не смею...
Ты пролейся, слово-слезы:
Солнце не согреет,
410 Не высушит. Поделюсь я
Моими слезами...
Да не с братом, не с сестрою—

«Умерла, панове». —
«Лжешь, иуда! Ну-ка, плетью!»
465 Накинулись снова...
«Ой, панбчки-голубчики,
Скончалась, родная!»
«Брешешь, шельма!»
«Коли брешу,
470 Пусть бог покарает!»
«Не бог, а мы. Признавайся!»
«На что мне таиться,
Если жива? Будь я проклят,
Чтоб мне провалиться!..»
475 «Ха, ха, ха, ха!.. Чорт, панове,
Литанию воет.
Перекрестись!»
«Вот не знаю!
Что это такое?»
480 «Вот так, смотри!»
Лях крестится,
А за ним иуда.
«Браво! Браво! Окрестили!
За такое чудо
485 Могорыч нам, ваша милость!
Слышишь, окрещенный?
Могорыч нам!»
«Тотчас, тотчас!»
Ревут исступленно,
490 Ревут паны, а сулей
По столу гуляет.
«Еще Польска не згинела!»
Пьяный возглашает.
«Давай, Лейба!»
495 Окрещенный
Из погреба в хату,
Знай, гоняет, наливает;
А конфедераты,

Знай, торопят: «Лейба! меду!»
500 Шинкарь встрепенется.
«Где цимбалы? Играй, пся крев!»
Вся корчма трясется—
Краковяки да мазурки,
А потом вприсядку!
505 А шинкарь бормочет льстиво:
«Панская повадка!»
«Славно, хватит! Ну, пой теперь!»
«Ей-ей, не умею!»
«Не божись, собачья шкура!»
510 «Что петь? Посмешнее?»
«Жила-была Гандзя,
Корява, убога,
Божилася,
Молилася,
515 Что болели ноги; •
На барщину не ходила,
А за пареньками..
Тихонечко,
Легонечко
520 Между бурьянами».
«Хватит! Мерзостная песня:
Схизма³ распевает».
«Какую вам? Разве вот что?
Стойте, вспоминаю...
525 «Перед паном Федором
Ходит жид ходором,
И задком,
И передком
Перед паном Федорком».
530 «Вот и славно! Теперь плати!»
«Всё шутки у пана!

За что платить?»

535 «За слушанье,
Не морщся, поганый!
Мы не шутим. Сыпь червонцы!»
«Где мне взять дукаты?
Ни гроша нет; я господской
Милостью богатый».
540 «Лжешь, собака! Признавайся!
А ну-ка, панове,
Бейте плетьюми!»

Плеть взвилася,
Крестят Лейбу снова.
545 Тиранили, тиранили,
Лишь клочья летели.
«Ей же богу, ни полушки!
Ешьте мое тело!
Ни полушки! Ой! Уважьте!»
«Мы тебя уважим!»
550 «Погодите! Лишь словечко...»
«Послушаем, враже,
Да не бреши! Хоть издохни,
Брехня не поможет».
«Нет... в Ольшане...»

555 «Твои деньги?»
«Мои?.. Спаси боже!
Нет, говорю... там, в Ольшане...
В Ольшане схизматы...»
560 «По три семьи, по четыре
Живут в одной хате.
Сами знаем, мы ведь сами
Их пообдирали».
«Да нет, не то... не гневайтесь...
Чтоб горя не знали,
565 Чтоб вам деньги привиделись!..
Знаете, в Ольшане...

570 Там в костеле... у ктитора..
А дочка Оксана!
Спаси боже! Как панночка!
Хороша, как солнце!
А червонцев! Хоть чужие,
Да что? Все червонцы!»
«Все червонцы, все едино!
Лейба зря не скажет;
575 А чтоб было без обмана,
Пускай путь укажет.
Одевайся!»

Поскакали
580 Ляхи на Ольшану.
Один только под лавкою
Конфедерат пьяный
Встать не может, а бормочет.
Пьяный, еле-еле:
585 «Му żyjemy, му żyjemy,
Polska nie zginęła».

КТИТОР

595

Чаща лесная
Молчит, немая;
Месяц высоко
Светит, сияя.
Выйди, сердечко,
Я недалечко;
Хоть на часочек,
Мой голубочек!
Выгляни, рыбка,
Мы поворкуем
И потоскуем;
Уйду я ночью
В землю чужую.
Выгляни, пташка,
Мое сердечко,
Я недалечко,
Мы поворкуем...
Ох, горько, тяжко!»

605

Так, мечтая на свободе,
Наш Ярема бродит,
Напевает; но Оксана
К нему не выходит.

Звезды ясны; среди неба
Горит белолицый;
610 Соловью внимая, верба
В колодец глядится;
На калине, над водою,
Соловей рыдает,
Словно знает, что подружку
615 Козак ожидает.
А Ярема темным лугом
Ступает лениво,
Не слушает, задумался...
«Что ж, что я красивый,
620 Если нет удачи, если счастья нет.
Годы молодые опадут, как цвет.
Один я на свете, без роду, без доли—
Травинка-былинка на широком поле,
Травинку-былинку развеет чуть свет.
625 И меня вот люди бранят, не приветят.
За что отвернулись? Что я сирота.
Одно было сердце, одно во всем свете,
Одна полюбила, но вижу—и та,
И та отвернулась!»
630 И слезы потоком.
Поплакал, бедняга, смахнул рукавом.
«Так прощай навеки! Там, в краю далеком
Я счастье добуду, или за Днепром
Лягу головою... А ты не заплачешь,
635 А ты не увидишь, как ворон клюет
Те карие очи, те очи козачьи,
Что ты целовала, золото мое!
Забудь мои слезы, забудь сиротину,
Забудь свои клятвы,—другого ищи!
640 Я тебе не пара: я—в грубой холстине,
Ты—ктитора дочка... Прощай, не взыщи!
Люби, кого хочешь... Такая, знать, доля!
Забудь меня, пташка, забудь, не томись!

А когда услышишь, что в далеком поле
645 Голову сложил я—тайком помолись,
Одна, сердце, во всем свете,
Хоть ты помолися!»
И заплакал горемыка,
На посох склонился.

650 Плачет козак тихонечко...
Вдруг, шашь!.. На поляну
Меж деревьев, как ласочка,
Крадется Оксана.
Забыл, бежит, обнимает...
655 «Сердце!»—и сомлели.
Долго, долго только—«сердце!»
И снова немели.
«Полно, пташка!» «Разочек лишь,
Сокол мой удалый!»
660 Выпей душу!.. Крепче... крепче...
Ох, как я устала!»
«Отдохни, мой светик ясный!
Ты с неба слетела!»
Постлал свитку. Как звездочка,
665 Просияла, села.
«Садись и ты со мной рядом!»
Сел он возле милой.
«Сердце мое, зорька моя,
Где же ты светила?»
670 «Я сегодня запоздала:
Забот много было,—
Отец болен, сидела с ним...»
«А меня забыла?»
«Какой же ты, вот, ей-богу!»
675 И слёзка блеснула.
«Не плачь, сердце, это шутка». «Шутка!»
Улыбнулась.

На плечо к нему склонилась,
680 Как будто заснула.
«Вот, Оксана, шуткой малой
Вдруг тебя обидишь.
Ну, не плачь же, глянь, родная:
Завтра не увидишь.
685 Завтра буду я далёко,
Далёко, Оксана!..
В Чигирине завтра ночью
Гайдамаком стану.
Добуду богатство-злато,
690 Почести и славу;
Одену тебя, обую,
Посажу, как паву,—
Как гетманшу, в резном кресле,
И лелеять буду...
695 Глаз не сведу—покуда жив». «А вдруг позабудешь?
Разбогатеешь, да в Киев
Поедешь с панами,
Найдешь себе шляхтяночку.
700 Забудешь Оксану!»
«Разве краше отыщу я?»
«Может быгь—не знаю». «Гневишь бога, мое сердце:
Лучше не бывают!
705 Ни на небе, ни за небом,
Ни за синим морем—
Лучше нету, краше нету!»
«Вот о чем мы спорим!
Да опомнись!»
710 «Правда, рыбка!»
И снова, и снова.
Долго они, как видите,
За словом, полсловом
Целовались, обнимались,

715 Сколько стало силы;
То плакали, то божились,
То снова божились.
Ей Ярема рассказывал,
Как жить они будут
720 В супружестве, как золото
И счастье добудет,
Как выгонят гайдамаки
Шляхту с Украины,
Как он станет именитым,
725 Коль в бою не сгинет.
Даже слушать наскучило,
Девушки, всё то же!
«Смотри, какой! Будто вправду
Наскучило!..»
730 Что же,
А родители узнают,
Как вы, мои пташки,
Эту сказку читаете,—
Придется вам тяжело!
735 Тогда, тогда... Да ну его,
А больно занятно!
Да еще бы рассказать вам,
Как молодец статный
Под ветлою, над водою
740 Обнявшись, тоскует;
А Оксана, как голубка,
Воркует, целует.
То заплачет, то затихнет,
Склонясь головою:
745 «Сердце мое, счастье мое!
Будь навек со мною!
Мой!..» Деревья наклонялись,
Ветвями колыша,
Их послушать! Нет, дивчата,
750 Вам их не услышать,

Не скажу вам, на ночь глядя,
А то вдруг приснится.
Пускай они разойдутся
Так же, как сошлись—
755 Тихохонько, любехонько,
От чужого пряча
Частые девичьи слезы,
Жаркие козачьи.
Пускай идут... Может, снова
760 Они на сем свете
Увидятся... Там посмотрим...

А в ту пору светят
Ярко окна у ктитора.
Надо бы проведать,
765 Что творится, да рассказать...
Ох, когда б не ведать!

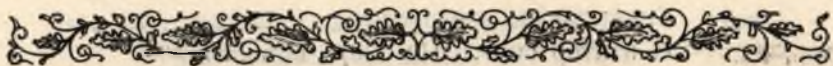
Ох, когда б не ведать! Сердце горем сжато—
Ведь за людей стыдно, ведь страшно сказать.
Гляньте, полюбуйте: то конфедераты,
770 Те, что дали клятву—волю защищать!⁴
Они защищают!.. Проклята утроба,
И день, и мгновенье, когда зачала,
Когда родила вас, на свет принесла!
Смотрите, что делает адская злоба
775 У ктитора в доме!

Огонь до-светла
В печи пылает, языкатый.
В углу собакою дрожит
Злодей-шинкарь. Конфедераты
780 Схватили ктитора: «Скажи,
Скажи, где деньги?»
Тот молчит.
Веревками скрутили руки,
Швырнули на пол... Промолчал,

785 В ответ ни слова. «Мало муки!
Углей тащите! Где смола?
Кропи его! Вот так! Остыла?
Скорее жару подсыпай!
Что? Скажешь, шельма?.. Как могила!
790 Упрямый, бестия! Давай!..»
За голенища сыплют жару...
«А в темя гвозди забивай!»
Не выдержал небесной кары,
Упал страдалец,—погибай
795 Душа в грехах, без покаянья!
«Оксана... дочка!»—и затих.
Поляки замерли в молчаньи,
Глядят на дело рук своих.
«Ну, что ж, панове!» «Как решите!
800 С ним делать нечего—убит.
Зажжем-ка церковь!»
«Ой! Спасите!
Кто в бога верует!»—кричит
С надворья кто-то что есть силы.
805 Смуглились ляхи. «Гей, кто там?»
Оксана в дверь: «Отца убили!»
И пала наземь. Молодцам
Махнул вожак, повелевая.
Как стая псов, вся шайка вдруг
810 Безмолвно скрылась. Он хватает,
Несет несчастную...
Мой друг,
Ярема! Где ты? Нет, не знает!
Идет, шальная голова,
815 Про Наливайка распевает.

Исчезли ляхи; чуть жива,
Исчезла с ними и Оксана.
Собаки кое-где в Ольшане
Затявкают и замолчат.

820 Сияет месяц; люди спят,
И ктигор спит... Не скоро встанет:
Твой, праведник, настал конец.
Пылал огонь, мерцал устало,
Погас... Как бы вздохнул мертвец,
825 И тихо-тихо в доме стало^б.

ПРАЗДНИК В ЧИГИРИНЕ

Гетманы, гетманы! Когда бы вы встали,
Встали, посмотрели на тот Чигирин,
Какой созидали, в каком пировали!
Заплакали б горько,—вы бы не узнали
830 Козачества славу в остатках руин.

Та площадь, где войско, как море — багряно,
Перед бунчуками, бывало, горит,
А ясновельможный, верхом на буланом,
Блеснет булавою—море закипит...

835 Закипит—и разлилося
Степами, ярами;
Горе никнет перед ними...
А за козаками...
К чему слова?.. Все кончено;
840 А то, что исчезло,
Забудемте, друзья мои,—
Так, право, полезней...
Да что толку, если вспомнишь?
Припомнишь—заплачешь.
845 Ну, хоть глянем на Чигирин,
Когда-то козачий.

Из-за леса, из тумана
Месяц выплывает;
Багрянеет круглолицый,
850 Горит, не сияет;
Точно знает, что не надо
Людам его света,
Что пожары Украину
Согреют, осветят.
855 Сумерки, а в Чигирине,
Словно в домовине,
Тихо-тихо... (Вот так было
По всей Украине
Накануне Маковея,
860 Как ножи святили.)
Нет ни души; над площадью
Крылом зачертили
Нетопыри; на выгоне
Сова завывает.
865 Где же люди?.. Над Тясмином,
В лесу ожидают,
Под ветвями; старый, малый,
Убогий, вельможный
Собралися,—как на праздник,
870 Великий, тревожный.

В лесу, под ветвями, в зеленой дуброве,
На приколе кони отаву грызут;
Оседланы кони, они наготове.
Куда-то поскачут? Кого повезут?
875 Вот кого, глядите! Во мраке долины
Лежат, недвижимы, молчат, не вздохнут.
Везде гайдамаки... На стон Украины
Орлы налетели; они понесут
Злому врагу кару;
880 За кровь и пожары
Адом гайдамаки ляхам воздадут.

Вот посреди леска стоят
Возы, полны стальной тарани:
Гостинец тароватой пани.
885 Дарить умела, говорят,—
Ну что ж, царица на том свете
Не взыщет с нас за шутки эти!
Между возами негде стать:
Как птичьи стаи, налетело
890 Из Смелы, из Чигирина
Козачество и старшина,—
Слетелись, стало быть, на дело.
Старшины гордо, важно ходят,
Все в черных свитах, как один,
895 Да потихоньку речь заводят,
Косясь тайком на Чигирин.

Первый старшина.

Старик Головатый что-то больно хитрит.

Второй старшина.

Мудрая голова, посиживает на хуторе, будто не знает
ничего, а смотришь—всюду Головатый. «Ежели,—гово-
900 рит,—сам не осилю, передам сыну».

Третий старшина.

Да и сын—тоже мастак! Я вчера видался с Железняком;
такое рассказывает про него—ну его совсем! «Кошевым,—
говорит,—будет, да и все; а может еще и гетманом,
когда...»

Второй старшина.

905 А Гонта на что? А Железняк? Гонте сама... сама писала:
«Когда, мол...»

Первый старшина.

А ну, тише! Как будто звонят!

Второй старшина.

Да нет, это народ шумит.

Первый старшина.

Дошумится, пока ляхи заслышат. Ох, головы старые да
910 разумные! Чудят-чудят, да и сделают из сошника шило! Где
можно с мешком, там сумы не надо. Купили хрену—надобно
есть; плачьте, очи, хоть повылазьте: видели, что покупали;
не пропадать деньгам! А то думают-думают, ни громко,
ни молча; а ляхи догадаются,—вот тебе и шиш! Что там за
915 совет? Отчего не звонят? Как удержишь народ, чтоб не шу-
мели? Не десять душ, а, слава богу, вся Смелянщина, если
не вся Украина.

Вон, слышите? поют?

Третий старшина.

Верно, поет кто-то; пойти унять.

Первый старшина.

920 Не унимай! Пускай поет, лишь бы не громко!

Второй старшина.

Там, видно, Влах!⁶ Не утерпел-таки старый дурень;
надо — и все!

Третий старшина.

А знатно поет! Как ни послушай — всё разную.
Подкрадемся, братцы, да послушаем; а тем временем
925 зазвонят.

Первый и второй старшины.

А что ж? Пойдем!

Третий старшина.

Ладно, пойдем!

Старшины притаились за дубом, а под дубом сидит слепой кобзарь; вокруг него запорожцы и гайдамаки. Кобзарь напевает протяжно и негромко.

Кобзарь.

«Ой, вы, влахи, волохи!
Уцелело вас—крохи;
930 И вы, молдаваны,
Теперь уж не паны:
Ваши господари
Продались татарам,
Султанам суровым,
935 В оковах, в оковах!
Полно, не тужите!
Крепко помолитесь,
Братайтесь с нами,
С нами, козаками;
940 Богдан стародавний
Дал пример вам славный;
Будете панами,
Да, как мы, с ножами,
С ножами святыми,
945 Да с батькой Максимом
В ночи погуляем,
Ляхов испытаем
Да так погуляем,
Что все черти захохочут,
950 Земля загрохочет,

Небо запыляет...
Вот, как погуляем!»

Запорожец.

Славно погуляем! Правду старик поет, ежели не врет
Вот бы кобзарь был, не будь он влахом!

Кобзарь.

955 Да я не влах—так только: живал когда-то в Валахии,
вот люди и кличут влахом—сам не знаю, за что.

Запорожец.

Ну, это пустое. Рвани еще одну! А ну-ка про батьку
Максима ударь!

Гайдамак.

Да не громко, а то старшины услышат.

Запорожец.

960 А что нам ваши старшины? Услышат, так послушают,
если есть чем слушать, вот и все! У нас один старшбй—
батька Максим; а он как услышит, так еще целковый даст.
Пой, старче божий, не слушай его.

Гайдамак.

965 Так-то оно так, человек. Я и сам знаю, да вот что: не
так паны, как подпанки, или—пока солнце взойдет, роса
очи выест.

Запорожец.

Брехня! Пой, старче божий, какую знаешь, а то и звона
не дождемся—заснем.

В с е.

Вправду, заснем. Спой какую ни на есть!

К о б з а р ь (поет).

970 «Летит орел, летит сизый
Да под небесами;
Идет Максим, идет батька
Степями, лесами.
Ой, летает орел сизый,
975 А за ним орлята;
Идет Максим, идет батька,
А за ним ребята.
Запорожцы—те ребята,
В походах повиты.
980 С ними думает-гадает,
Рубить или пить им,
А то плясать—так ударят,
Что земля грохочет.
Запоет он—так ответят,
985 Что горе хохочет.
Горелку-мед не чаркою—
А ковшом хлебает,
Противника, не гляючи,
Казнит, не спускает.
990 Вот такой-то атаман наш,
Орел сизокрылый!
И воюет, и гарцует,
Не жалея силы —
У него одно жилище, —
995 Темная дубрава...
Степь да море—вот дорога,
Там золото, слава.
Трепещите, вражьи ляхи,
Лютые собаки:
1000 Железняк на Черном Шляхе,
За ним гайдамаки».

З а п о р о ж е ц.

Вот это так! Хватил, нечего сказать: и складно, и ладно.
Хорошо, право, хорошо! Что ни запоет—в самый раз!
Спасибо, спасибо!

Г а й д а м а к.

1005 Я как-то не разобрал, что он пел про гайдамаков?

З а п о р о ж е ц.

Эка бестолочь, право! Видишь, вот что он пел: чтоб
ляхи проклятые, лихие собаки, каялись, а то идет Желез-
няк Черным Шляхом с гайдамаками, чтобы ляхов, знаешь,
резать...

Г а й д а м а к.

1010 И вешать, и терзать! Славно, ей-богу, славно! Ну, это
так! Право, дал бы целковый, если б не пропил вчера!
Вот беда! Ну, пускай старая вязнет, больше мяса будет.
Потерпи, милостивец, завтра отдам. Хвати-ка еще про
гайдамаков.

К о б з а р ь.

1015 До денег я не больно охоч. Была бы охота слушать,—
пока не охрипну, буду петь; а охрипну—чарочку, другую
той живой водицы, как говорится, и снова начну. Слушай
же, честная громада!

1020 «Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве,
На приколе стоят кони,
Седла наготове.
Ночевали ляшки-панки
Вместе с шинкарями,
1025 Напились, разлеглись,
Да и ...»

В с е.

А ну, тихо! Как будто звонят. Слышишь? Еще раз... о!

1030 «Зазвонили, зазвонили!»—
Пошло греметь логом.
«Ступайте же да молитесь,
Докончу дорбгой...»

1035 Повалили гайдамаки,
И стон по дуброве;
Не повезли, а на плечи
Вскинули,—воловы
Несут возы. А за ними
Слепой Влах, и снова:
1040 «Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве...»
Ковыляет, повторяет
Без толку, без ладу.
«Ну, другую, старче божий!»—
Кричит вся громада,
1045 Подняв возы над плечами.
«Ладно, хлопцы, нате!
Вот так! Вот так! Славно, хлопцы!
А ну-ка, орлята,
Попробуем!»

1050 Земля ходит,
А они с возами
Так и режут. Тот играет
Да вторит словами:

1055 «Ой, гоп таки-так!»
Кличет Гандзю козак:
«Иди, Гандзя, побалую!
Иди, Гандзя, поцелую!

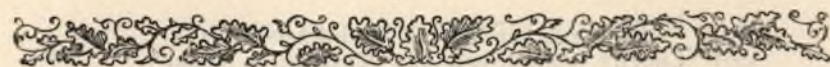
1060 Пойдем, Гандзя, у попа
Богу помолиться;
Нет пшеницы ни снопа—
Вари чечевицу!»
Завел женку—в мошне тонко:
Кладовка пустует;
1065 Под дерюгой растут дети,
Козак не горюет:
«И в дому-то ти-ни-ни,
И в сенях-то ти-ни-ни,
Линя, баба, тяни!
Ти-ни-ни, ти-ни ни!»

1070 «Славно! Славно! Еще! Еще!»—
Кричат гайдамаки.

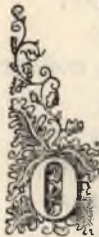
1075 «Ой, гоп, вот так диво!
Наварили ляхи пива,
А мы будем пировать,
Ляшков-панкв угощать;
Ляшкам-панкам угощенье,
А паненкам развлечение.
Ой, гоп таки-так!
Зовет панну козак:
1080 Панна, пташка моя!
Панна, доля моя!
Не смущайся, дай мне ручку,
Пойдем, погуляем:
Пускай людям горе снится,
1085 А мы поиграем!
А мы поиграем,
Счастья попытаем,
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!»

1090 «Еще, еще!»

1160 Как дети, жарко. Не томилась,
Иного ждали... а свершилось:
Над их могилами—платки!
Одно счастье, одна слава—
Белый плат накинута,
И тот снимут...
1165 А диакон:
«Пускай враг сгинет!
Вот вам ножи! Осветили».
Набат не смолкает;
Рев над бором: «Осветили!»
1170 Сердце замирает.
Осветили! осветили!
Сгинет шляхта! сгинет!
Разобрали, засверкали
По всей Украине *.

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

 пять Украину истязали,
Как прежде, ляхи; день один,
Еще один протосковали
И Украина, и Чигрин.
И тот прошел—день Маковья,
1180 Великий праздник разговенья.
Прошел... Торгаш и дворянин
Вином и кровью упивались,
Ругали схизму, распинали,
Кляли, что нечего отнять.
1185 А гайдамаки молча ждали,
Пока злодеи лягут спать.
Легли—не знали, не гадали,
Что завтра им уже не встать.
Паны заснули, но под сводом
1190 Менялы барыши таят,
В тиши червонцами звенят,
Скрываясь, видно, от народа.
И те на золоте легли,
И сном нечистым задремали.
1195 Да, дремлют... Навеки б они задремали!
А в ту пору месяц плывет озирать
И неба просторы, и звезды, и море,
Повидать народы, счастье их и горе,

Хоть всюду—заплаты.
Чернобровый, а не сгинет,—
Так будет богатым.
Что же смутен и невесел
1270 Идет да тоскует?
Видно, злую долю сердце
Козацкое чует,
Чует сердце, да не скажет,
Где беда лихая.
1275 Пройдет беда... А округа—
Как бы неживая.
Петухи молчат, собаки
За плетнем не лают,
Только где-то сиромахи—
1280 Волки завывают.
Что ему! Идет Ярема,
Да не в дом Оксаны,
Не в Ольшану, к милой в гости —
На ляхов поганных,
1285 На Черкассы. А там третий
Петух отзовется.
А там... а там... И Ярема
К Днепру обернется.

«Ой, Днепр ты мой, Днепр мой широкий, гибильный!
1290 Немало ты, древний, в низовья носил
Козацкой той крови,—и понесешь, сильный!
Окрасил ты море, да не напоил,—
А нынче упьешься. Багровое пламя
По всей Украине в ночи заревет;
1295 Потечет волнами, волнами, волнами
Кровь шляхты проклятой! Козак оживет;
И гетманы встанут в золотых жупанах,
Вернется к нам счастье; и грянут слова:
«Отчизна свободна!» А в степях Украины —
1300 О, боже мой милый—блеснет булава!»

Так думал, шагая в драной армячине,
Бедняга Ярема—свячёный в руках.
А Днепр—точно слышал: широкий да синий
Взметнул горы-волны, а там, в камышах—
1305 Ревет, стонет, завывает,
Лозы наклоняет;
Гром грохочет... А молния
Тучу разрывает.
Идет вперед наш Ярема,
1310 Как будто незрячий;
Мчатся думы друг за дружкой,
Радуюсь и плача.
«Там Оксана, там весело
И в драной сермяге;
1315 А тут... а тут... как придется!
Может, трупом лягу!»
А в ту пору из лощины
Петух — кукареку!
«А, Черкассы!.. боже милый,
1320 Не убавь мне веку!»

КРОВАВЫЙ ПИР

Зазвонили, зазвонили
По всей Украине;
Закричали гайдамаки:
«Сгинет шляхта! Сгинет!
1325 Сгинет шляхта! Погуляем—
Небу́ станет жарко!»
Запылала Смелянщина,—
Небо светит ярко,
Поглядели—Медведёвка¹¹
1330 Небо озаряет.
Горит Смела; Смелянщина
Кровью истекает.
Горит Корсунь, горит Канев,
Чигирин, Черкассы;
1335 Черным Шляхом¹² пошло пламя,
И кровь полилася
До Волыни. А в Полесьи
Гонта пир справляет,
А Железняк в Смелянщине
1340 Саблю закаляет,
Там, в Черкассах, где Ярема
Пробует свячёный.
«Вот так! вот так! Славно, дети,
Карайте без счета!

1345 Славно, хлопцы!»—на базаре
Железняк взывает.
Кругом пекло; гайдамаки
По пеклу гуляют.
А Ярема—по два, по три
1350 Рубит, как попало—
Страшно взглянуть! «Славно, милый!
Чумы на них мало!
Казни! казни! В раю будешь,
Или есаулом!
1355 Гуляй, милый! Ну-ка, детки!»
И детки махнули
По подвалам, по амбарам,
По чердакам—всюду;
Всех побили, все забрали.
1360 «Теперь, хлопцы, будет!
Утомились, отдохните!»
Улицы, базары
В грудях трупов, в волне крови.
«Мало шляхте кары!
1365 Снова надо перемучить,
Чтоб не пробудились
Нехристей проклятых души!»
На площадь сходились
Гайдамаки. Шел Ярема,
1370 Железняк навстречу:
«Ближе, хлопец! Ты не бойся—
Я не изувечу!»
«Не боюсь я!» Шапку скинул,
Стал, как перед паном.
1375 «Ты откуда? Кто ты таков?»
«Я, пан, из Ольшаны». «Из Ольшаны,—где ктитора
Псы замордовали?»
«Где? Какого?»
1380 «Да в Ольшане...

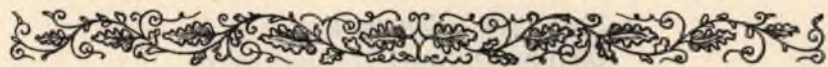
Толкуют, украли
И дочь его, коли знаешь». —
«Дочку!.. там, в Ольшане?»
«У ктитора, коли ты знал».
1385 «Оксана! Оксана!» —
Еле вымолвил Ярема, —
Да и рухнул долу.
«Ага! Вот что... Жалко хлопца!
Подними, Микола!»
1390 Опомнился. «Батька! брат мой!
Быть бы мне сторуким!
Дайте нож мне! дайте силы!
Муки врагам! муки!
Муки бешеной, чтоб пекло
1395 Тряслось да бледнело!»
«Славно, милый! Ножи будут
На святое дело.
Ступай с нами на Лисянку,
Ножи пригодятся!»
1400 «Идем, идем, атаман мой,
С тобой побрататься
Готов навек! На край света
Полечу, достану,
В пекле отниму Оксану...
1405 Или жить не стану...
На край света, — да не найду,
Не найду Оксану!»
«Может, сыщешь. А как кличут
Тебя? — знать желаю».
1410 «Яремою».
«Родные кто?»
«Родных я не знаю!»
«Видать, байструк? Ишь, безродный...
Запиши, Микола,
1415 К нам в реестры! Пускай будет...
Пускай будет Голый!

Вишь, в лохмотьях!»
«Нет, неладно!»
«Ну, тогда Бедою?»
1420 «И то не в лад».
«Погоди же:
Пиши Галайдю!»
Записали.
«Ну, Галайда,
1425 Идем на проклятых!
Ищи долю... А не сыщешь...
По кбням, орлята!»
И Яреме коня дали —
Взяли из обоза.
1430 Усмехнулся, оглянулся,
Утирая слезы.
Выехали на заставу, —
Пылают Черкассы...
«Все тут, дети?»
1435 «Все тут, батька!»
«Гайда!»
Разлилася
По дуброве в Надднепровьи
Козачья ватага.
1440 А за ними кобзарь старый
Тащится вполшага
На убогой лошаденке,
Песню запеваает:
«Гайдамаки, гайдамаки,
1445 Железняк гуляет!»

Поехали... А Черкассы
Пламенем пылают.
Чорта в них! И не посмотрят.
Хохочут, ругают
1450 Вражью шляхту. Кто толкует,
Кто слушает Влаха.

А Железняк—перед всеми,
Надвинув папаху;
Едет, зоркий; курит трубку,
1455 Никому ни слова.
А за ним немой Ярема!..
Густая дуброва,
И темный бор, и даль Днепра,
И крутые горы,
1460 Небо, звезды, счастье, люди
И лютое горе —
Все пропало, все! Без толку
Едет, как незрячий
Или мертвый. Тяжко хлопцу,
1465 Тяжко, а не плачет.
Нет, не плачет: змей жестокий
Жадно выпивает
Его слезы, давит душу,
Сердце раздирает.
1470 «Ой, вы, слезы! мои слезы!
Вы смоете горе;
Смойте его... Горько! тошно!
И синего моря,
И Днепра, чтоб вылить горе,—
1475 Днепра не достанет!
Или загубить мне душу?
Оксана! Оксана!
Где ты? где ты? Глянь, родная,
Мой светик единый!
1480 Глянь, родная, на Ярему!
Где ты? Может, гибнет;
Может, горько клянет долю,
Клянет, изнывает,
Иль у пана-басурмана
1485 В оковах рыдает!
Может, вспомнила Ярему,
Вспомнила Ольшану,

Зовет его: «Сердце мое,
Обними Оксану!
1490 Обнимемся, соколик мой!
Навеки сомлеем.
Пусть враги насмежаются,—
Не услышим!..» Веет,
Веет ветер из-за моря,
1495 Тополь клонит в поле,—
И девушка наклонится,
Куда гнет недоля;
Поскучает, потоскует,
Забудет... а может...
1500 В чужом стане—сама пани,
А лях... боже! боже!
Казни адом мою душу,
Пролей муки море,
Греми громом надо мною,
1505 Но не таким горем
Казни сердце! Разорвется,
Будь оно из камня!
Счастье мое! сердце мое!
Оксана! Оксана!
1510 Куда скрылась, удалилась?»
И хлынули слезы,—
Часто-часто полилися.
Откуда взялися!
А Железняк гайдамакам
1515 Велит становиться.
«К лесу, хлопцы! Рассветает,
И кони устали.
Попасем их»,—и неслышно
За лесом пропали.

ГУПАЛИВЩИНА

Вошло солнце; Украина —
Пылала и тлела;
Кой-где шляхта, в смертном страхе,
По замкам сидела.
Во всех селах — виселицы;
1525 Вешали повсюду —
Лишь магнатов, прочих клали
Грудю на грудю.
На улицах, на распутьях
Собаки, вороны
1530 Грызут шляхту, клюют очи,—
Никто не хоронит...
И некому: оставались
Дети да собаки,—
Бабы даже, взяв ухваты,
1535 Пошли в гайдамаки.

Вот такое было дело
По всей Украине!
Ад кромешный... И за что же—
Подумаешь ныне?
1540 Одних отцов одни дети,—
Жить бы, веселиться.
Нет, не смели, не хотели,—

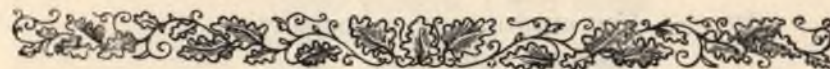
Надо разделиться!
Надо крови, братской крови,
1545 Завидно — у брата
И в коморе, и в подворьи,
И теплая хата.
«Убьем брата! Сожжем хату!» —
Сказали, и случилось.
1550 Все как будто!.. Нет, на муку
Сироты остались.
В слезах росли, и выросли;
И рабские руки
Развязались — и кровь за кровь,
1555 И муки за муки!
Болит сердце, как припомнишь:
Братской кровью мыты
Славян руки. А причина?
Ксендзы, йезуиты!..¹³

1560 Проходили гайдамаки
Лесами густыми,
А за ними и Галайда
С думами своими.
Миновали Вороновку,
1565 Вербовку; в Ольшану
Приехали. «Спросить бы мне,
Спросить про Оксану?
Нет, не надо, пусть не знают,
За что пропадаю...»
1570 На ту пору гайдамаки
Село покидают.
Спросил было у мальчика:
«Ктитора убили?»
«Да нет, дядя; отец сказал,
1575 Что его спалили
Вон те ляхи проклятые,
И Оксану взяли,

А ктитора на кладбище
Вчера зарывали.
1580 Не дослушал... «Неси, чалый!
И бросил поводья.
«Зачем вчера, пока не знал,
Не погиб в походе!
Ну, а нынче, хоть и умру,
1585 Так из гроба встану,
Панов карать. Сердце мое!
Оксана! Оксана!
Где ты?»
Замолк, и, тоскуя,
1590 Поехал тропюю.
Трудно ему, горемыке,
Бороться с тоскою.
Догнал своих. Боровицкий
Встал хутор за тыном.
1595 Корчма тлеет с амбарами,
А Лейба — как сгинул.
Усмехнулся мой Ярема,
Горько усмехнулся:
«Вот тут, вот тут я недавно
1600 Перед Лейбой гнулся,
Ну, а нынче...» И жаль стало,
Что горе минуло.
Гайдамаки над обрывом
С дороги свернули.
1605 Нагоняют подростка там:
Паренек в азяме
Заплатанном, в худых лаптях,
Сума за плечами.
«Эй ты, нищий! А ну, постой!»
1610 «Я не нищий, право!
Я такой же гайдамака». —
«Туда же, корявый!

• Ты откуда?»
«Кирилловский»¹⁴.
1615 «А Будища знаешь?
И озеро возле Будищ?»
«И озеро знаю —
Вон там оно; по яруге
Проберетесь точно».
1620 «Что, видал ты нынче ляхов?»
«Нигде, как нарочно!
А вчера немало было.
Венков не святили:
Не дали злодеи-ляхи.
1625 За то ж мы их били!
И я с отцом святым ножом;
А мать нездорова,
А то б тоже...»
«Ладно, малый!
1630 За смелое слово
На червончик, да не теряй!»
Монета зардела,
Глянул парень: «Спасибо вам!»
«Ну, хлопцы, за дело!
1635 Да слышите! Не гомонить.
Галайда, за мною!
В яруге той есть озеро,
Роща под горою.
А в роще — скарб. Как подъедем,
1640 Чтобы окружали, —
Скажи хлопцам! Может, склепы
Охранять осталась
Эта сволочь».
Подъехали,
1645 Рощу окружили;
Смотрят — никого не видно...
«Э, да тут их — сила!

Ай да груши уродились! •
Сбивайте, орлята!
1650 Живо! живо! Вот так! вот так!»
И конфедераты
Посыпались вдруг с деревьев,
Что груши гнилые.
Посбивали, управились;
1655 Козаки лихие
Нашли склепы, скарб забрали,
Кошели у шляхты
Обыскали, и дальше в путь —
Карать псов проклятых,
1660 На Лисянку...¹⁵

ПИР В ЛИСЯНКЕ

Вечерело. Над Лисянкой¹⁶
Небо озарилось:

Это Гонта с Железняком
Трубки закурили.

1665 Страшно, страшно закурили!

В аду не умеют
Этак курить! Гнилой-Тикич
Кровью багровеет
Дворянскою, купеческой.

1670 А над ним пылают
И хатенка, и хоромы;
Судьба, знать, карает
И высшего, и нищего.

А среди базара
1675 Стоят Гонта с Железняком,
Кричат: «Ляхам кары!
Кары ляхам, чтоб каялись!»
И хлопцы карают.

1680 Стоны, вопли; один просит,
Другой проклиняет;
Тот молится, открывает
Грехи перед братом,
Уже мертвым. Не милуют,
Ужасна расплата.

1685 Как смерть сама, презирают
Молодые годы
Шляхтяночки, шинкарочки.
Кровь струится в воду.
1690 Ни калеки, ни младенца,
Ни старца седого
Не осталось, — не укрылись
От смертного зова,
Все полегли, все вповалку;
Ни один живущий
1695 Смерти не избег в Лисянке.
А пожар все пуще
Разгорался, разыгрался,
Взвился к небу, ярый.
А Галайда, знай, взывает:
1700 «Кары ляхам, кары!»
Как безумный, мертвых режет,
Рубит где попало.
«Дайте врага, дайте пана!
Мало мне, все мало!
1705 Дайте ляха, дайте крови
Нацедить поганой!
Крови море... Мало моря!..
Оксана! Оксана!
Где ты?» — крикнет и скроется
1710 В пламени пожара.
Той порою гайдамаки
Посреди базара
Столы ставят; тащат яства,
Где что отыскали,
1715 Чтоб поужинать при свете.
«Гуляй!» — закричали.
Ужинают, а кругом их
Пекло пламенеет.
Повешенные, в пламени,
1720 На балках чернеют

Трупы шляхты. Горят балки
И падают с ними.
«Пейте, дети! Пейте, лейте!
1725 С панами такими,
Может, снова мы встретимся,
Снова погуляем!»
И Железняк одним духом
Чарку осушает.
«За мерзкие ваши трупы,
1730 За мерзкие души
Выпью снова! Пейте, дети!
Выпьем, Гонта, друже!»
«Выпьем, брат мой, погуляем
Мы нынче с тобою.
1735 А где кобзарь? Ну-ка, старый,
Прозвени струною!
Не про дедов, — мы не хуже
Здесь ляхов караем;
Не про горе, — мы такого
1740 Не знали, не знаем.
Веселую рвани, старче,
Чтоб земля ходила, —
Про вдовицу-молодицу,
Как она тужила».

К о б з а р ь (*играет и подпевает*).
1745 «От села до села
Музыка и пляска:
Кур и яйца продала —
Черевичкам — таска!
От села до села
1750 Проплясать придется:
Ни коровы, ни вола —
Хата остается.
Я отдам, я продам
Куму свою хатку,

1755 Я куплю, я срублю
Под тыном—палатку;
Торговать, продавать
Буду мед да бражку,
Поплясать, погулять
1760 Пойду нараспашку!
Ох вы, детки мои,
Мои голубочки!
Не браните, поглядите,
Как пляшу до ночки!
1765 Я в батрачки пойду,
Деток в школу отдам,
А червонным черевичкам
Таску дам, таску дам!»

«Славно! славно! Плясовую,
1770 Кобзарь, плясовую!»
Слепец грянул. Руки в боки,
Пошли в круговую.
Земля дрожит... «Ну-ка, Гонта!»
«Ну, Максим, родимый!»
1775 Ударим-ка, пока живы,
Мы ведь побратимы!»

«Не глядите вы, дивчата,
Что я обтрепался;
Знать, мой батька стругал гладко,
1780 Я в него удался».

«Славно, братец! Вот, ей-богу!»
«Ну, Максим, живее!»
«Погоди-ка!»
«По моему обычаю:
1785 Люби всех без различия, —
И поповну, и дьячиху,
И кривую сторожиху!»

Веселятся, а Галайда,
Как прежде, невесел.
1790 Сидит один в конце стола,
Голову повесил —
Плачет горько. Что бы, право?
В богатом жупане,
И золото, и слава есть,
1795 Да нету Оксаны!
Не с кем счастьем поделиться
Не с кем молвить слово!
Один, один сиротою
Скитается снова!
1800 А о том, о том не знает,
Что его Оксана
За рекою, за Тикичем
Во дворце у пана,
С теми ляхами, какие
1805 Мучили, убили
Ее отца. Звери, звери!
Теперь притаились
За стенами, любуетесь,
Как других карают,
1810 Ваших братьев! А Оксана
В тоске ожидает,
На пожар Лисянки смотрит,
Друга ищет взглядом.
Одинокая, не знает,
1815 Что Ярема—рядом,
Тут, в Лисянке. Не в лохмотьях —
В нарядном жупане,
Сидит один и думает
О своей Оксане:
1820 «Где она, моя голубка,
Плененная, плачет?»
Горько ему!
А из яра

1825 В одежде козачьей
Тень крадется.
«Кто ты такой?»—
Галайда поднялся.
«Я посланец пана Гонты.
Там он разгулялся —
1830 Я подожду».

«Не дождешься,
Ты — Лейба, собака!»
«Спаси боже, я не Лейба!
Видишь? Гайдамака!
1835 Вот копейка... Посмотри-ка!..
Ты разве не знаешь?»
«Знаю, знаю!» — и свячёный
Скорей вынимает.
«Признавайся, враг лукавый.
1840 Ты привел в Ольшану,
В дом ктитора пьяных ляхов?
Я, Лейба, не стану
Шутить шутки. Я — Ярема,
Работник твой рьяный.
1845 Что, не узнал? Признавайся...
Где моя Оксана?»
Замахнулся.

«Спаси боже!..
С панами... в палатах...
1850 Вся в золоте...»
«Выручай же!
Выручай, проклятый!»
«Тотчас, мигом... Ой, какой вы,
Ярема, завзятый!
1855 Сейчас пойду и выручу:
Деньги дверь взломают.
Скажу ляхам: вместо Паца...»
«Ладно, ладно! Знаю,

Ступай живо!»
1860 «Иду, иду,
Гонту забавляйте
До полночи, а там можно!..
Ступайте ж, гуляйте!..
Куда везти?»
1865 «На Лебедин!
На Лебедин, — понял?»
«Понял, понял!»
И Галайда
С Гонтой пляску поднял.
1870 А Железняк берет кобзу:
«Пляши, кобзарюга!
Я сыграю».

И вприсядку
Слепец вдоль по кругу
1875 Так и хлопает лаптями,
Поддает словами:

«В огороде пастернак, пастернак;
Аль тебе я не козак, не козак?
Аль тебя я не люблю, не люблю?
1880 Аль тебе я черевички не куплю?
Куплю, куплю, чернобровка,
Куплю, куплю на обновку.
Буду, сердце, ходить,
Буду, сердце, любить».

1885 «Ой, гоп-гопака!
Полюбила козака,
Да кривого,
Да седого —
Ой ты, доля, горька!
1890 Ступай, доля, затеряйся,
А ты, старый, убирайся!
А я — в кабачишко.

1895 Выпью чарку, да другую,
 Выпью третью, затоскую,
 Пять и шесть, не робей.
 Пляшет баба все живей.
 А за нею воробей,
 Да с притопом,
 Да с прихлопом, —
 1900 Не робей, воробей!
 Старый рыжий бабу кличет.
 Она ему кукиш тычет:
 «Ты, женатый сатана,
 Добывай жене пшена!
 1905 Надо деток воспитать,
 Надо деток одевать,
 А я буду добывать;
 А ты, старый, не греши,
 Ты за печкой полежи,
 1910 Ты молчи, не дыши!»

«Как была я молодою да угодницею.
 Я повесила запаску над оконницею:

Кто идет — не минёт,
 То шепнет, то моргнет.
 1915 А я шолком вышиваю,
 В окошечко им киваю.

Молодцы,
 Удальцы!

Выносите погребцы,
 1920 Да походим, погуляем,
 Да присядем, поиграем!

Загоняй наседку в сетку,
 А цыпленка—в бочку.

.....
 1925
 И... гу!

Загнул батька дугу,
 Тянет мамка подпругу,
 Завяжи, дочка, туго!»

1930 «Еще? Довольно?»
 «Еще!

Давай еще! Сами ноги ходят!»
 «Ой, лей суровец,
 Опёнки найдутся!

1935 Дед да баба,
 Вот и ладно,—
 Вместе посмеются!

Ой, лей суровец,
 Да кроши петрушку!

1940

Ой, лей суровец,
 Да накроши хрену!

.....

1945
 Ой, лей воду, воду,
 Да поищем броду, броду!..»

«Стойте, стойте!»—кричит Гонта:

«Стойте, мало свету!
 1950 Свету, детки!.. А где Лейба?
 Его еще нету?

Найти тотчас и повесить.
 Огузок свинячий!

Айда, дети! Потухает
 1955 Каганец козачий!»

«Атаман!»—кричит Галайда:

«Погуляем, батька!
 Гляди—горит; на базаре

И видно, и гладко.
 1960 Дай, попляшем. Громче, кобза!»

«Конец, не пляшите!
Огня, дети! Дегтю, пакли!
Мортиры тащите;
По тайникам пустить огонь!
1965 Думают—все шутки!»

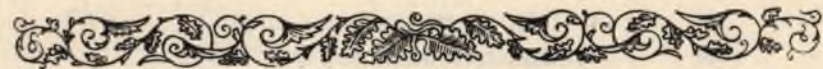
Заревели гайдамаки:
«Слышим, батька! Ну-тка!»
Через греблю валят с песней,
Сшибают, ломают.
1970 А Галайда кричит: «Батька!
Стойте!.. Пропадаю!
Погодите, не палите:
Там Оксана, люди!
Часочек лишь, родимые!
1975 Я ее добуду!»

«Ладно, ладно! Железняче,
Кричи, чтоб палили!
К богу полетит с врагами...
А ты, сизокрылый,
1980 Найдешь снова!»

Оглянулся —
Галайда умчался.

Ревут горы—старый замок
С ляхами поднялся
1985 Прямо в тучи. Что осталось—
Пеклом запылало...
«Где Галайда?»—Максим кличет.
И следа не стало.

Покуда козаки плясали,
1990 Ярема с Лейбою пробрались
За стены замка, в тайники.
Схватив Оксану, чуть живую,
Ярема мчится, торжествуя,
На Лебедин...¹⁸

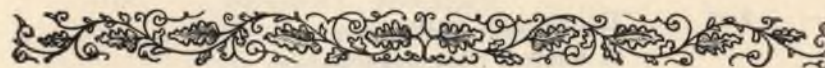
ЛЕБЕДИН

Я сирота из Ольшаны,
Сирота, бабуся!
Отца ляхи замучили,
А меня... Боюсь,
Боюсь вспомнить, мое сердце!..
2000 Увезли с собою.
Ты не спрашивай, бабуся,
Что было со мною.
Я молилась, я рыдала,
Сердце разрывалось.
2005 Слезы сохли, душа стыла...
Ох, когда б я знала,
Что опять его увижу,
Что увижу снова, —
Вдвое, втрое вытерпела б
2010 За одно лишь слово!
Ты прости, моя голубка!
Может, я грешила;
Может, бог за то карает,
Что я полюбила, —
2015 Полюбила стан высокий
И карие очи,
Полюбила, как умела.
Как сердце захочет.

2020 Не себя я, не отца я,
Молясь, поминала,—
Нет, бабуся, я о милом
Бога умоляла.
Карай, боже! Я готова
Под карой склониться.
2025 Страшно сказать: я думала
С жизнью распротиться.
Когда б не он, — я... пожалуй,
Душу б загубила.
Тяжко было! Я думала:
2030 «О, боже мой милый!
Он сирота, — кто на свете
Его не забудет?
Кто и в счастья, и в несчастья,
Как я, не осудит?
2035 Кто обнимет горемыку?
Кто, как я, приветит?
Кто беднягу-сиротину
Добрим словом встретит?»
Я так думала, бабуся,
2040 И сердце смеялось:
«Я сирота, без матери,
Без отца осталась,
И он один на всем свете,
Один меня любит;
2045 А про смерть мою услышит —
И себя погубит».
Так я думала, молилась,
Ждала, поджидала:
Нет милого, и не будет! —
2050 Одна я осталась...»
И заплакала. Монашка,
Стоя рядом с нею,
Пригорюнилась.
«Бабуся!

2055 Скажи ты мне: где я?»
«В Лебедине, моя пташка!
Ты лежишь больная».
«В Лебедине! А давно ли?»
«Третий день, родная».
2060 «Третий день уж?.. Постой, постой..!
Пожар над водою...
Шинкарь, замок, Майдановка...¹⁷
Зовут Галайдою...»
«Галайдою, Яремою
2065 Себя называет
Тот, кто привез...»
«Где он? где он?»
Теперь я все знаю!..»
«Обещал через неделю
2070 Притти за тобою».
«Неделя! Через неделю
Сердце успокою!
Бабусенька, миновала
Лихая година!
2075 Тот Галайда — мой Ярема!..
Ведь вся Украина
Его знает. Я видела,
Как села пылали;
Я видела, как поляки
2080 В страхе замирали,
Чуть заслышат про Галайду.
Знают они, знают,
Кто таков он и откуда,
Кого добывает!..
2085 Меня искал, меня добыл,
Орел сизокрылый!
Прилетай же, мой соколик,
Голубчик мой милый!
Ох, как весело на сердце,
2090 Я свет увидела!

Лишь неделя, бабусенька!..
 Так три дня осталось,
 Ох, как долго!..
 «Загребай, мама, жар, жар,—
 2095 Будет тебе дочка жаль, жаль...»
 Ох, как весело на свете!
 А тебе, бабуся,
 Весело ли?» «Я тобою,
 Пташка, веселюся».
 2100 «Что же ты не подпеваешь?»
 «Стара, дочка, стала...»
 Зазвонили тут к вечерне.
 Оксана осталась;
 А монашка, закрестившись,
 2105 В храм поковыляла.
 Через три дня в Лебедине
 В церкви возглашали:
 «И с а и я л и к у й!» Утром
 Ярему венчали;
 2110 А к вечеру мой Ярема
 (Вот хлопец учтивый!),
 Чтоб не гневить атамана,
 Оксану покинул:
 Врагов кончать; с Железняком
 2115 Он свадьбу справляет
 На уманском пожарище.
 Она поджидает,—
 Поджидает, не едут ли
 Ярема и сваты—
 2120 Увезти ее из кельи
 В богатую хату.
 Не печалься, а надейся
 Да молися богу!
 Мне пора теперь на Умань
 2125 Направить дорогу.

ГОНТА В УМАНИ

Хвалилися гайдамаки,
 На Умань идучи:
 «Будем драть мы, паны-братья.
 Кумач на онучи!»

Проходят дни, проходит лето,
 А Украина, знай, горит;
 По селам горько плачут дети:
 Отцы пропали. Шелестит
 2130 Листвой пожухлою дуброва;
 Гуляют тучи, солнце спит —
 Не услышать людского слова;
 Зверь только рыщет по селу —
 Рвет мертвецов. Не хоронили,—
 2135 Волков поляками кормили,
 Пока снегами замело
 Обьедки волчьи.
 И метели не мешали
 Неистой каре:
 2140 Ляхи мерзли, а козаки
 Грелись на пожаре.
 Вот весна пришла, и землю
 От сна пробудила,
 Увенчала первоцветом,

2145 Барвинком укрыла;
В чистом поле жаворонки,
Соловьи в дубравах
Песнями встречают землю,
Всю в цветах и травах...
2150 Рай, и только! Для кого же?
Для людей... А люди?
Не хотят и оглядеться,
А глянут—осудят.
Надо кровью всё закрасить,
2155 Пожаром горючим;
Солнца мало, цвету—мало,
И повсюду—тучи.
Ада мало!.. Люди, люди!
Кто-то в вас разбудит
2160 Все доброе, что кроется?
Чудны́, чудны́ люди!

Не сдержала весна крови,
Не дала покоя.
Тяжко глянуть, а припомним—
2165 Так было и в Трое,
Так и будет.

Гайдамаки
Гуляют, карают;
Где пройдут—земля пылает,
2170 Кровью истекает.
Нашел Максим себе сына
На всю Украину;
Не родимый сын Ярема,
А добрый детина.
2175 Максим режет, а Ярема
Не режет—лютует:
С ножом в руках, на пожаре
Днюет и ночует.
Не милует, не минует

2180 Большого, меньшого:
За ктитора ляхам платит,
За старца святого,
За Оксану... Побледнеет,
Как вспомнит Оксану.
2185 А Железняк: «Гуляй, милый,
Пока солнце встанет!
Погуляем!» Погуляли:
Грудю на грудю
От Киева до Умани
2190 Легла шляхта всюду.

Словно туча, гайдамаки
Умань¹⁹ обступили
К полуночи, а к рассвету
Умань захватили.
2195 Захватили, закричали:
«Карай ляха снова!»
Поскакали по базару
С криком *parodowi*²⁰;
Побежали, плача, дети,
2200 Больные, калеки.
Вопли, стоны... На площади,
Где потекли реки
Кровавые, стоит Гонта
С Максимом—собратом.
2205 Кричат оба: «Славно, други!
Вот так их, проклятых!»
И вдруг ведут гайдамаки
Ксендза-йезуита,
С ним—два хлопца. «Гонта, Гонта!
2210 А что же твой-то!
Ты нас режешь—зарезь и их:
Католики детки!
Чего ж ты стал? Что не режешь?
Пока малолетки,

2215 Зарежь и их,—как вырастут,
И тебя зарежут!..»
«Убейте пса! А собачат
Своею зарежу.
Кличь громаду! Признавайтесь.
2220 Какой, дети, веры?»
«Католики мы... нас мама...»
«Боже милосердный!
Молчи! молчи! Знаю, знаю!»
Собралась громада.
2225 «Мои дети—католики!..
Чтоб не знать пощады,
Чтоб не ведать нам раздора,
Честная громада!
Я присягал бить всех встречных
2230 Веры католицкой.
Сыны мои! сыны мои!
Что ж вы невелички?
Что ж вы ляха не режете?»
«Будем резать, тату!»
2235 «Не будете! Не будете!
Горе ей, проклятой,
Той проклятой католичке,
Что вас породила!
Зачем она до рассвета
2240 Вас не утопила?
Меньше греха: хоть погибли,
Да не чуждой веры!
Ну, а нынче, сыны мои,
Горько мне без меры!
2245 Поцелуйте меня, дети,
Не я убиваю,
А присяга!..» Взмахнул ножом—
Кровь бежит, живая!
Легли к ногам, убитые.
2250 «Тату...»—лепетали:

«Тату, тату!.. Мы не ляхи!»
«Мы...»—и замолчали.
«Схоронить их?» «Католиков?
Нет для них могилы.
2255 Сыны мои, сыны мои!
Где же ваша сила?
Что ж вы врага не резали?
Иль духу не стало
Задушить ту католичку,
2260 Что вас пленала?..
Идем, друже!»
Взял Максима;
Пошли вдоль базара,
Оба вместе закричали:
2265 «Кары панам, кары!»
И карали... Страшно, страшно
Умань запылала.
Ни в палатах, ни в костеле
Людей не осталось,—
2270 Все полегли. Да, такого
Не было дотоле,
Что в Умани содеялось!
Базильянецв школу,
Где учились Гонты дети,
2275 Сам Гонта ломает:
«Ты пожрала моих деток!»—
Грозя, восклицает:
«Ты пожрала невеличек,
Добру не учила!..
2280 Ломай стены!»
Гайдамаки
Стены разгромили.
Разгромили; о каменья
Ксендзов перебили,
2285 А всех школяров в колодце
Живьем схоронили.

2290 До ночи, до поздней шляхту избивали,—
Никто не укрылся. А Гонта кричит:
«Где вы, людоеды? Где вы поскрывались?
Съели моих деток,—как я стану жить!
Не с кем мне поплакать! не с кем говорить!
Сыны дорогие, вы, черные брови!
Где же вы пропали? Крови дайте, крови!
2295 Шляхетской мне крови! так хочется пить,
Хочется увидеть, как она чернеет,
Хочется упиться!.. Что ветер не веет,
Ляхов не навевает?.. Сил нехватит—жить!
Сил нехватит—плакать! Звезды на просторе!
Укройтесь за тучу,—я вас не искал,
2300 Я детей зарезал!.. Горе, злое горе!
Где мне приклониться?»

Так Гонта кричал;
По Умани бегал. А среди базара,
В крови, гайдамаки ставили столы;
2305 Еды раздобыли, собрались из мглы
И ужинать сели. Последняя кара,
И ужин последний!
«Гуляйте, сыны!
Пейте, пока пьется! Бейте, пока бьется!»—
2310 Железняк взывает. «А ну, волокни,
Кобзарь, свою кобзу! пускай земля гнется.
Пускай погуляют мои козаки!»
И кобзарь ударил:

2315 «А мой батька-то корчмарь,
Чеботарь;
Моя мамка пряха
Да сваха;
Мои братья, удалы,
Привели

2320 И корову из дубровы,
И монисто принесли.
И хожу я, Христа,
В монисте,
А на плахте листья,
2325 Да листья,
И сапожки, и подковы.
Выйду поутру к коровам,—
Я корову напою,
Подую,
2330 С молодцами постою,
Постою».

«Ой, гоп, ходи хата!
Запирайте дверь, ребята!
А ты, старая, не злись,
2335 Да ко мне скорей прижмись!»

Все пируют. Где же Гонта?
Что он не гуляет?
Что не пьет он с козаками?
Что не подпевает?
2340 Нет его; теперь у Гонты,
Видно, нет желанья
Веселиться.

А кто это
В черном одеянии
2345 Площадь медленно обходит?
Стал... И разрывает
Груды трупов: ищет что-то.
Нашел... Поднимает
На плечи два тела малых
2350 И, мимо базара,
Через трупы пробираясь.
Ушел в дым пожара

За костелом... Кто же это?
Замучен тоскою,
2355 Несет детей своих Гонта,
Накрыть их землю,
Чтобы псы не обглодали
Козацкое тело.
И темными улицами,
2360 Где меньше горело,
Понес Гонта детей своих,
Пусть никто не знает,
Где он детей похоронит,
Как Гонта рыдает.
2365 Вынес в поле, при дороге:
Свой нож вынимает
И ножом копает яму.
А Умань пылает,
Яму Гонте освещает
2370 И на детей светит.
Будто спят они, одеты...
Чем же страшны дети?
Зачем Гонта смотрит вором,
Или клад скрывает?
2375 Стоит, дрожит... Из Умани
Слышно—окликают
Товарищи-гайдамаки.
Но Гонта далёко,—
Сынам хату среди поля
2380 Копает глубоко.
И выкопал... Берет детей,
Кладет мертвых в хату,
И не смотрит, будто слышит:
«Мы не ляхи, тату!»
2385 Легли оба; из кармана
Платок вынимает;
Поцеловал мертвых в очи,
Крестит, накрывает

Багряною китайкою
2390 Головы козачьи.
Раскрыл детей, снова глянул...
Горько-горько плачет:
«Сыны мои, сыны мои!
На мать-Украину
2395 Поглядите! Вместе с вами—
Я за нее сгину.
А кто меня похоронит?
На далеком поле
Кто заплачет надо мною?
2400 Доля моя, доля!
Доля моя, доля злая!
Что ты натворила?
Зачем ты мне детей дала?
Меня не убила?
2405 Не они меня хоронят,
Я их погребая!»
Поцеловал, перекрестил,
Укрыл, зарывает.
«Спите крепко, сыны мои,
2410 В глубоком жилище!
Сука-мать детей лишила
Святого кладбища.
Без чебреца и без руты
Почивайте, дети!
2415 Да молитесь в раю бога,
Пускай на том свете
Меня за вас покарает,
За грех сей, без меры!
Простите же! Я прощаю,
2420 Что вы чужой веры».
Сравнил землю, прикрыл дерном.
Чтоб не знать народу,
Где зарыты Гонты дети,
Козачьего роду.

2425 «Почивайте, ожидайте —
И я не замедлю.
Укоротил я вам веку
И сам лягу в землю!
И меня убьют... Скорей бы!
2430 А кто закопает?
Гайдамаки!.. Так еще раз,
Еще погуляю!..»

Пошел Гонта безутешный;
Идет, спотыкнется.
2435 Пожар светит; Гонта глянет,
Глянет—усмехнется.
Страшно, страшно усмехался,
На степь озирался.
Утер слёзы... Чуть маячит,
2440 И—с дымом смешался²¹.

ЭПИЛОГ

 Давно то минуло, как я, сиротина,
Мальчонкой безродным, бездомным блуждал,
Без шапки, без хлеба, по той Украине,
Где Железняк, Гонта с свячёным гулял.
2445 Давно то минуло, как теми путями,
Где шли гайдамаки,—босыми ногами
Ходил я и плакал, да людей искал.
Чтоб добру учили. Вот, припоминал,
Вспомнил, и жалею, что горе минуло.
2450 Молодое горе!.. Если б ты вернулось,
Отдал бы я счастье поздних моих лет.
Вновь вижу то горе, и степи без края,
И отца и деда опять вспоминаю...
Дед еще не помер, а отца уж нет.
2455 Бывало, под праздник, захлопнув Минею,
Выпивши с соседом, чтобы жить дружнее,
Отец просит деда,— снова б рассказал
Про Колиивщину, как тогда гуляли,
Как Железняк, Гонта ляхов покарал...
2460 Столетние очи, как звезды, сияли,
А слово за словом смеялось, лилось:
Как ляхов кончали, как Смела горела...
Соседи от страха, от скорби немели.
Да и мне, младенцу, не раз довелось

2465 Над ктитором плакать. И никто не знает,
Что малый ребенок за печкой рыдает...
Спасибо, дедуся, что ты сохранял
В голове столетней былль родного края:
Я все это внукам теперь рассказал!

2470 Люди добрые, простите,
Про дела козачьи
Не по книжкам я толкую,
А так, наудачу.

2475 Так дед порой рассказывал—
Пусть ему икнётся!—

А я за ним. Не знал старый,
Что читать придется
Эту сказку грамотеям.

2480 Так прости, дедуся,
Пускай судят! А покамест

Я к своим вернуся,
И уж дойду до предела,
Дойду—опочину,
Да хоть сквозь сон полюбуюсь

2485 На ту Украину,
Где ходили гайдамаки
С святыми ножами,
На те пути, что я мерил
Детскими ногами.

2490 Погуляли гайдамаки,
Крепко погуляли:
Чуть ли не год шляхетскою
Кровью поливали

2495 Украину. И замолкли,—
Знать, не стало силы.
Нету Гонты; не отыщешь
Креста и могилы.

Буйный ветер поразвееял
Пепел гайдамака,
2500 И некому помолиться,
Некому оплакать.
Один только брат названный
Остался на свете,
И тот—узнав, что так страшно

2505 Бесовские дети
Его брата замучили,—
Железняк заплакал
В первый раз. И слез не вытер,
Умер он, бедняга.

2510 Тоска его задушила
В чужом, дальнем поле,
В чужой земле положила:
Такая-то доля!

2515 Тихо-тихо гайдамаки
Железную силу
Схоронили... Насыпали
Крутую могилу;
Заплакали, разбрелися,
Так же, как сошлись.

2520 Один только мой Ярема
На посох склонился,
Стоял долго. «Почий, батька,
В чужом, дальнем поле!
Ведь на своем нету места,
2525 Ни места, ни воли...
Спи, козак, душа простая!
Кто-нибудь вспомянет!»

Пошел степью, горемычный,
Слезу утирает.
2530 Долго-долго озирался,
И не видно стало.

Лишь, чернея, над степями
Могила стояла ²².

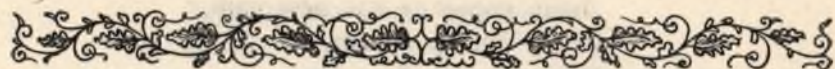
2535 Посеяли гайдамаки
На Украине жито,
Да не они его жали.
Что делать, скажите?
Нету правды, не выросла,—
Кривда побивает...
2540 Разбрелися гайдамаки
По родному краю:
Кто до дому, а кто с ножом
В темную дубраву,
На промысел. Вот такая
2545 Досталась им слава ²³.
А в ту пору Сечь родная
Погибла, распалась:
Кто на Кубань, кто за Дунай;
Только и осталось —
2550 Что пороги среди степи.
Ревут-завывают:
«Схоронили детей наших,
И нас разрывают!»
Ревут они, реветь будут,—
2555 Их беда минула;
А Украина навеки,
Навеки заснула.

С той поры на Украине
Жито зеленеет;
2560 Молчит в ночь, пушки стихли,
Только ветер веет,
Нагибает вербы в роще,
Ковыль в чистом поле.
Все замолкло. Пускай молчит:
2565 На то божья воля.

Лишь порою, в час вечерний,
Когда Днепр играет,
Едут лесом гайдамаки,
Едут, запевают:

2570 «У нашего Галайды богатая хата.
Бей, море! Славно, море!
Славно будет, Галайда!»

Петербург
1841

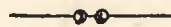
ПРЕДИСЛОВИЕ

После слова—предисловие; можно б и без него. Так вот, знаете ли: во всем, что я видал напечатанного—только видал, а прочитал очень немного,—всюду есть предисловие, а у меня нет; ежели б я не печатал своих Гайдамаков, то, пожалуй, не надо и предисловия. А ежели уж пускаю в люди, то надо и с чем-нибудь, чтоб не смеялись над оборвышами, чтобы не сказали: вишь, какой! Разве деды да отцы глупее были, что не пускали в люди даже букваря без предисловия. Так, правда так, не взыщите! Потребно предисловие. Да как же его скомпоновать?—чтоб, знаете, не было и кривды, чтоб не было и правды, а так, как все предисловия komponуются. Хоть убей, не умею; надо б хвалить,—да совестно, а хулить не хочется. Начнем же убо начало книги сице: весело глянуть на слепого Кобзаря, когда он сидит с хлопцем, слепец, под тыном, и весело послушать его, когда он запоеет думу про то, что давно деялось. Как боролись ляхи с козаками, весело... а все-таки скажешь: слава богу, что миновало, а особенно как вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пускай знают сыны и внуки, что отцы их заблуждались, пускай братаются снова со своими врагами. Пускай житом-пшеницею, как золотом покрыта, не размежованною останется навеки от моря и до моря—славянская земля. Про то, что творилось на Украине в 1768 году, сказываю так, как слышал от старых людей: печатанного и

критикованного ничего не читал, да, кажется, и нет ничего. Галайда наполовину выдуман, а смерть ольшанского ктитора правдива: есть еще люди, его знавшие. Гонта и Железняк, атаманы того кровавого дела, может выведены у меня не так, каковы они были,—за то не ручаюсь. Дед мой, дай ему бог здоровья, как начнет рассказывать что-нибудь такое, что не сам видал, а слышал, то наперед скажет: коли старые люди брешут, то и я с ними.

ПРИМЕЧАНИЯ ШЕВЧЕНКО

1. Энциклопедический лексикон, том 5. Барская конфедерация и «Historja Królestwa Polskiego» g. s. Bandtke, tom 2.
2. Вильшана или Ольшана—местечко Киевской губернии, Звенигородского уезда; меж Звенигородкою и Ольшаною по старому шляху Боровиков хутор и корчма, где будто бы Ярема Байструк, впоследствии Галайда, был у еврея батраком (сказывают старые люди).
3. Неуниатов поляки называли схизматами.
4. Про конфедератов так рассказывают люди, которые их видали; и не диво: все это была шляхта з *honorem**, без дисциплины; работать не хочется, а есть надо.
5. Анахронизм: ктитора ляхи замучили зимою, а не летом.
6. За гайдаками ходил кобзарь; его называли слепым Влахом (дед рассказывал).
7. Павла Наливайка живьем сожгли в Варшаве, Ивана Острицу и тридцать старшин козацких после страшных пыток четвертовали и развезли их тела по всей Украине. Зиновий-Богдан и сын его Тимофей были похоронены в Субботове, возле Чигирина; Чарнецкий—коронный гетман, не в силах взять Чигирин, со злости сжег их мертвые тела (Георгий Ко-нисский).
8. Полковник Богун потопил ляхов в Ингуле. Зиновий-Богдан вырезал 40 с лишком тысяч ляхов над Росью в Корсуне. Тарас Трясило вырезал ляхов над Альтою; и та ночь, в которую это совершилось, зовется Тарасова, или кровавая (Бантыш-Каменский).
9. Так про Чигиринский праздник сказывают старые люди.
10. Тарасова и Варфоломеева ночи одна другой стоят, к стыду Римской тиары.
11. Третьи петухи—сигнал; рассказывают, что есаул Железняк,

* «С гонором» (польск.)

не дождавшись третьих петухов, зажег Медведевку—местечко меж Чигириным и Звенигородкою.

12. Черный Шлях начинался от Днепра меж устьями речек Соковевки и Носачевки и шел через степи Запорожские, через воеводства Киевское, Подольское и Волынское—на червонную Русь, к Львову. Черным назван за то, что по нем татары ходили в Польшу и своими табунами вытаптывали траву.

13. До Унии козаки с ляхами жили мирно, и если б не иезуиты, то, может, и не резались бы; иезуит Поссевин, легат папский, первый начал Унию на Украине.

14. Кереливка или Кирилловка—село Звенигородского уезда. Червонец, подаренный Железняком хлопцу, и до сего времени сохраняется у сына того хлопца, которому был дан,—я сам его видел.

15. Село Будища, недалеко от Кереливки; в яру озеро и над озером лесок небольшой, зовется Гупаливищиною оттого, что там Железняк сбивал ляхов с деревьев. Склепы, где был закопан шляхетский скарб, и до сего времени видны, только уже разрушены.

16. Лисянка—местечко Звенигородского уезда, над речкою Гнилым-Тикичем. Тут сошлись Гонта с Железняком и разрушили старинный замок, Богданом будто бы построенный.

17. Майдановка—село, недалеко от Лисянки.

18. Лебедин—женский монастырь, меж Чигириным и Звенигородкою.

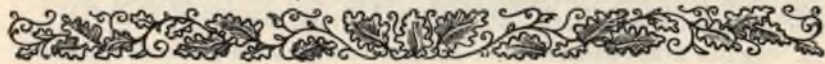
19. Умань—уездный город Киевской губернии.

20. *Kawaleria narodowa*—так назывались польские драгуны; их тогда было в Умани 3000, и все были убиты гайдаками.

21. В Умани Гонта убил детей своих за то, что их мать католичка помогла иезуитам обратить их в католическую веру. Младанович, товарищ сыновей Гонты, видел с колокольни, как они умерли и как школяров базилианской школы потопил Гонта в колодце. Он много написал о гайдамачине, но напечатанного ничего нет.

22. Изменой взяли ляхи Гонту и страшно замучили. Привезли его, закованного, в польский лагерь неподалеку от Балты, с отрезанным языком и правою рукою; Б., польский генерал, так велел поступить, чтобы он не донес на него; потом палачи раздели его донага и посадили на раскаленное железо; потом сняли двенадцать полос кожи со спины. Гонта повел глазами и страшно глянул на Б.; тот махнул рукою,—и разрубили Гонту начетверо, развезли куски тела и поприбивали на перекрестках дорог. Железняк, узнав, что так страшно ляхи замучили Гонту, заплакал, занедужил и умер; его гайдамаки похоронили в степи над Днестром и разбредлись, кто куда.

23. Вор, разбойник или гайдамака—такая осталась память о гайдамаках после Колиивщины. Такими их знают и поныне.

ПОЯСНЕНИЯ К ПЕРЕВОДУ ПОЭМЫ

Перевод выполнен по тексту, подготовленному для украинского академического издания сочинений Шевченко. Сноски в тексте поэмы указывают на примечания самого Шевченко. Исторические и историко-литературные комментарии, а также пояснения отдельных украинских слов и выражений даны в этом разделе, по главам поэмы, в алфавитном порядке.

[ПОСВЯЩЕНИЕ]

Б а й д а р ы—суда, на которых запорожцы совершали походы по Черному морю; эти суда иначе звались «чайками» и вмещали 40—50 человек каждое.

Б у н ч у к—войсковой знак в виде древка с металлическим яблоком; к древку привязывались конские хвосты.

Г р и г о р о в и ч Василий Иванович (1786—1865) — конференц-секретарь Академии художеств в Петербурге. Принимал участие в выкупе Шевченко из крепостного состояния у помещика Энгельгардта. Выкуп состоялся 22 апреля 1838 г. В память об этом дне Шевченко и посвятил Григоровичу свою поэму «Гайдамаки».

«Есть отец, для сердца милый (родного не стало)...»—повидимому, подразумевается В. И. Григорович, к которому обращено посвящение.

«**М а т р е ш а**», «**П а р а ш а—радость наша**»—псевдо-народные песни.

«Не подойду с поклоном к премудрому люду...»—Шевченко решительно отстраняет советы критики перейти к сюжетам из дворянского быта и не писать на украинском языке.

«**П о с м е ю т с я**, **п о г л у м я т с я** себе на забаву...»—Реакционная критика враждебно встретила выход «Кобзаря» Шевченко

в 1840 г. в Петербурге. Шевченко знает, что так же будут встречены и «Гайдамаки».

С к у т а р и—предмесье Стамбула.

«Т ма, м н а з н а ю , а о к с и ю и н ы н ч е н е з н а ю...»—Шевченко в детстве учился грамоте по церковно-славянскому букварю. Т м а, м н а—слоги в этом букваре; о к с ѝ я—церковно-славянское название ударения.

Х о р т и ц а—остров на Днепре, где одно время находилась Запорожская Сечь. При советской власти в период первой пятилетки вблизи острова Хортица построено грандиозное сооружение—Днепро́вская гидроэлектрическая станция им. Ленина.

ИНТРОДУКЦИЯ

И н т р о д у к ц и я—вступление. В «Интродукции» Шевченко рисует непривлекательную картину политической жизни Польши XVII—XVIII вв. Ярко и исторически верно поэт подчеркивает разгул и чванство польской шляхты, рисует шляхетскую анархию, которая способствовала упадку Польши в XVIII веке.

Фактические данные для этого раздела Шевченко взял, как он сам говорит в примечании, из двух исторических работ: «Энциклопедический лексикон (Плюшара), том 5—«Барская конфедерация» и «Historya Królestwa Polskiego» Bandtke, t. 2.

Польша в то время была шляхетской республикой, в которой господствовала диктатура шляхты. Король избирался шляхтой и находился в полной зависимости от нее. Эта «дворянская демократия с монархом во главе», «покоящаяся на крепостной зависимости», была «одной из самых грубых форм общества» (Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 158).

Для решения государственных вопросов в Польше существовал общегосударственный или «вальный» сейм, состоявший из послгов—шляхтичей, избиравшихся на местных сеймиках.

Фактически Польшей управляли крупные землевладельцы—магнаты, хотя все шляхетство юридически пользовалось равными правами. Мелкая шляхта группировалась вокруг магнатов и была орудием в их руках. Магнаты вели постоянную борьбу между собой.

К о н ф е д е р а ц и я, **к о н ф е д е р а т ы**.—Конфедерация—вооруженный союз, который имела право создавать польская шляхта для защиты своих прав и привилегий. Нередко в разных местах одновременно возникали конфедерации, преследовавшие прямо противоположные цели и вступавшие между собой в борьбу. Говоря о с т а к о н ф е д е р а ц и я х, Шевченко все же преувеличивает их число. Барская конфедерация, о которой идет речь, была провозглашена в 1768 г. в городе Баре на Подолии. Барская конфедерация выступила против трактата, заключенного 17 февраля 1768 г.

русским и польским правительствами об уравнении в правах православных дворян и мещан с католиками. Во главе Барской конфедерации стояли Красинский и Пулавский. Пац выступил позднее как руководитель литовских конфедератов. Вооруженные отряды конфедератов начали грабить украинское население на Правобережьи, разрушали православные церкви и т. д. Действия конфедератов обострили брожение среди украинских народных масс, находившихся под жестоким социальным и национально-религиозным гнетом польской шляхты. В этой обстановке разгула шляхетской анархии и вспыхнуло в мае 1768 г. мощное восстание украинского народа против польских панов, известное под именем **К о л ь и в щ и н ы**.

«**Nie pozwalam!**»—«Не позволяю!»; в шляхетской Польше существовал закон, по которому каждый посол (участник сейма) имел право опротестовать постановление сейма, заявив о своем несогласии выкриком «**Nie pozwalam!**». Право это называлось «**liberum veto**» (лат.), что значит «свободно запрещаю». Соседние государства: Россия, Пруссия, Австрия подкупали иногда отдельных послов, чтобы те, используя свое право «**veto**», срывали сеймы.

«**Р а з б р е л и с ь к о н ф е д е р а т ы...**»—Шевченко перечисляет те местности, где действовали конфедераты. Город Бар на Подолии, где засели конфедераты, был взят русскими и польскими королевскими войсками, после чего конфедераты перешли в Молдавию. Под Украиной здесь надо разумеать, в основном, Киевщину.

«**С л о в о г о н о р у , д а р м а п р а ц а**»—«честное слово, напрасный труд»—выражение, характерное для надменной шляхты.

С т а н и с л а в П а в л у с П о н я т о в с к и й—последний польский король (1764—1795), был избран на престол при поддержке Екатерины II. При нем произошел раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793, 1795 гг. «**Н а й м и т м о с к а л я**»—так называла Понятовского шляхта, подчеркивая его зависимость от Екатерины II.

С т е ф а н (Баторий) и **Ян С о б и е с с к и й** (Собесский)—польские короли. Стефан Баторий (XVI в.) стремился упрочить королевскую власть в Польше. Ян Собесский (XVII в.) известен своими победами над турками

ЯРЕМА

О л ь ш а н а—местечко на Киевщине. В Ольшане Шевченко служил козачком у помещика Энгельгардта.

КОНФЕДЕРАТЫ

«**Е щ е П о л ь с к а н е з г и н ё л а**»—«Еще не погибла Польша»—слова польско-шляхетского гимна, возникшего в 90 гг. XVIII в., т. е. позднее описываемых событий: «**Mu żyjemy, mu żyjemy, Polska nie zginęła**». **К т и т о р**—церковный староста.

Л и т а н и я—одна из католических церковных служб (чтение акафиста святому), отличающаяся монотонным повторением одних и тех же слов.

«**С х и з м а р а с п е в а е т...**» «Неуниатов ляхи называли схизматами»,—поясняет Шевченко в своих примечаниях. Схизма—греч. слово—раскол; схизматы—раскольники. Католики так называли православных за то, что те, мол, нарушили церковное единство, не принимают унию и не признают власть папы римского.

КТИТОР

Описанное в этой главе событие (казнь ктитора) произошло не в 1768, а в 1766 г. В местечке Млееве старик Даниил Кушнир, по предложению общины, спрятал церковную дарохранительницу от попа-униата, от которого община требовала перейти в православную веру. Униатские попы обвинили Кушнира, будто бы он пил в корчме водку из этой дарохранительницы. Смелянский польский комендант Вонж отправил Кушнира в польский лагерь под Ольшану, где он и был замучен. Ему обернули руки пенькой, облили смолой и подожгли в присутствии народа, «с разных сел для устрашения старательством униатов» согнанного. После этого Кушниру отрубили голову, насадили ее на кол и прибили большим гвоздем. Наконец, было приказано: «и тело одного мученика сожещи и сожжено так, что по сожжении православные люди, вырыв ровик небольшой, только оставшийся пепел с некоторой частью костей загребли».

Это событие произвело сильное впечатление на народ и сохранилось в преданиях. «А смерть ольшанского ктитора правдива: есть еще люди, его знавшие...»,—пишет Шевченко в предисловии к «Гайдамакам». К главе «Ктитор» Шевченко дал примечание: «Анахронизм: ктитора ляхи замучили зимою, а не летом». В действительности же Даниил Кушнир был сожжен летом, как правильно и описано в поэме.

Н а л и в а й к о—один из предводителей козацко-крестьянского восстания на Украине в 1594—1596 гг. Был казнен польским правительством в Варшаве в 1597 году.

О смерти Наливайка сложилось много легенд; рассказывали, что его сожгли в медном быке.

ПРАЗДНИК В ЧИГИРИНЕ

Б о г у н И в а н—козацкий полковник, один из ближайших сподвижников Богдана Хмельницкого во время освободительной войны украинского народа против шляхетской Польши в 1648—1654 гг. Эпизод, о котором вспоминает Шевченко, соответствует действительности, только произошел он на реке Южный Буг в 1651 г. во время наступления польского войска на Украину. Богун велел прорубить в реке лед и, когда мороз

затянул прорубленные места тонким слоем льда, набросать соломы. Поляки стали переправляться через реку и подломили лед. Много их потонуло в Буге.

Булава—символ гетманской власти; короткая палица, украшенная золотом, серебром и драгоценными камнями.

Влах (Волох)—здесь: прозвище слепца-кобзаря. В гайдамацких отрядах действительно были крестьяне-музыканты, которые своими песнями воодушевляли повстанцев. В источниках сохранились упоминания о четырех таких музыкантах (трех кобзарях и одном скрипаче), казненных польскими панами.

Возы, полны стальной тарани: гостинец тароватой пани—«То есть возы с ножами. Гайдамаки верили, что это был подарок щедрой пани, царицы Екатерины II» (как указывает Шевченко). Шевченко исторически верно отмечает известные иллюзии среди восставших в отношении русского царизма. Видя борьбу русского войска против конфедератов, украинское крестьянство думало, что Екатерина II поддерживает его борьбу против польских панов и хочет уничтожить их власть.

Головаты—Шевченко, должно быть, имеет в виду последнего судью запорожского войска Павла Головатого; о причастности Головатого к Колиивщине исторических данных нет.

Гонта Иван—уманский сотник надворных козаков; происходил из крестьян села Росошек на Уманщине. Польские паны для охраны своих имений от гайдамаков собирали козацкие отряды. Такой отряд собрал для охраны города. Умани владетель этого города польский магнат Потоцкий. В числе козаков этого отряда был и Гонта, назначенный со временем сотником и получивший во владение от Потоцкого два села—Орадовку и свое родное село Росошки. Когда Железняк приближался к Умани, Гонта, посланный для борьбы с гайдамаками, присоединился к Железняку и вместе с ним взял Умань, истребив здесь много польской шляхты.

Господари—князя Молдавии и Валахии (княжеств, составивших впоследствии Румынию). Были в то время вассалами турецкого султана.

Громада—козацкая община; здесь—собрание козаков.

Железняк Максим—вождь Колиивщины. По происхождению—сын крестьянина села Медведьки на Чигиринщине (Правобережье); после смерти отца 13-летним мальчиком ушел на Запорожье, где прожил более десяти лет, батрача у зажиточных козаков; осенью 1767 г. поступил послушником в Онуфриевский монастырь, а затем, весной 1768 г., перешел в Мотронинский монастырь под Чигирином. В лесном урочище близ монастыря, называемом «Холодный Яр», Железняк организовал крупный гайдамацкий отряд и во второй половине мая 1768 г. во главе своего отряда двинулся к Умани.

Конашевич—Петр Конашевич-Сагайдачный, гетман Украины с 1614—1622.

Кошей—во главе Запорожской Сечи или Запорожского Коша стоял атаман, называемый кошевым атаманом или просто кошевым.

Припомним гетманов державных...—Для изображения упоминаемых в тексте и примечании событий и лиц Шевченко пользовался рукописной «Историей Русов» (автором которой считали Георгия Конисского), как говорит он сам в своем примечании, а также «Историей Малой России» Бантыш-Каменского (см. у Бантыш-Каменского сожжение польным гетманом Стефаном Чарнецким в 1664 г. Субботова, а также уничтожение могилы и сожжение останков Хмельницкого и его сына Тимофея); кроме того, Шевченко широко привлекал как источники народные предания и песни.

Настоящее имя Наливайка было Северин, а не Павел, как называет его Шевченко согласно с «Историей Русов».

Острица Яков—запорожский гетман, предводитель восстания против польских панов на Украине в 1638 г.

Речь благочинного слышна...—Здесь, очевидно, разумеется игумен Мотронинского монастыря и правитель православных церквей на Правобережье—Мелхиседек Значко-Яворский, который при поддержке царского правительства активно боролся против унии. Имеются, однако, материалы, свидетельствующие, что во время Колиивщины Мелхиседека в Мотронинском монастыре не было—он находился в это время на Левобережье (в Переяславе).

Рось и Желты-Воды...—**Желтые Воды**—речка, впадающая в Ингулец (приток Днепра); на Желтых Водах Богдан Хмельницкий нанес первое поражение польскому войску 6 (16) мая 1648 г. **Корсунь**—местечко на реке Рось, где Богдан Хмельницкий разгромил 16(26) мая 1648 г. главные силы польской армии и взял в плен обоих гетманов—коронного Потоцкого и польного Калиновского. Цифру 40 тысяч (названную им в примечании) Шевченко заимствовал, как видно, из народных песен о восстании 1648—1654 гг., в которых говорится то о 40 тысячах поляков, то о 40 тысячах козаков.

Сам писала...—Екатерина II. Были распространены слухи, будто бы Екатерина II выдала «Золотую грамоту», в которой приказывает истреблять польских панов.

Смела—местечко на реке Тясмине на Киевщине.

Тарас—Тарас Федорович («История Русов» называет его Трясило)—гетман запорожских козаков; стоял во главе восстания против польских панов на Украине в 1630 г. Под Переяславом на речке Альте 22 мая 1630 г. (ст. ст.) Тарас Трясило разгромил польскую армию во главе с гетманом Конецпольским. Шевченко воспел эту победу в одном из ранних своих произведений—«Тарасова ночь».

Ч и г и р и н—город на реке Тясмине (правый приток Днепра) на Киевщине, был при Богдане Хмельницком гетманской резиденцией. По преданию, монахи Мотронинского монастыря (в окрестностях Чигирина) осыпали ножи повстанцам-гайдамакам. С этими ножами гайдамаки и пошли истреблять польскую шляхту. Восстание действительно началось с молебна в Мотронинском монастыре, что подтверждается показаниями гайдамаков. Молебен состоялся в мае месяце, повидимому, на троицын день, приходившийся в 1768 г. на 18 мая (29 мая н. ст.), а не против «ночи Маккавея» (праздник Маккавея—1 августа), как говорит дальше Шевченко.

«Я сновельможный верхом на буланом»—обобщенный образ гетмана украинского козачества, ведущего козацкое войско против иноземных захватчиков.

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

К а т в л а д ы ч и т—Кат—по украински: палач. Шевченко говорит о ненавистном ему царе Николае I.

С в я ч ё н ы й—освященный нож гайдамаков (см. выше—пояснение к слову «Чигирин»).

«Хоть видал ты Росю, и Альту, и Сену...»—Шевченко сравнивает «Тарасову ночь» на реке Альте 1630 г. и «Варфоломееву ночь» 1572 г. на реке Сене в Париже, когда французские католики вырезали гугенотов (протестантов): и в том и в другом случае пролилось много крови, чему способствовала политика римской церкви.

Ч е р к а с с ы—город на Днепре.

КРОВАВЫЙ ПИР

Г а л а й д а—по-украински: скиталец, бездомный. На Запорожьи существовал обычай давать новое прозвище принимаемому в состав войска.

«И кровь полилася до Волыни. Ав Полесьи Гонта пир справляет»...—Указание на то, что восстание распространилось на Полесье и даже на Волынь, соответствует действительности. Сам Гонта, однако, в Полесьи с гайдамаками не был.

К а н е в—город на Днепре на Киевщине. Близ Канева находится могила Шевченко.

Л и с я н к а—местечко на Киевщине.

Р е е с т р—список козаков-гайдамаков.

ГУПАЛИВЩИНА

«Венков не святити»—На Украине существовал обычай святить венки на праздник Маккавея; Шевченко же, как известно, приурочивает начало восстания ко дню Маккавея.

Г у п а л и в щ и н а—название произошло от украинского междометия «гуп», выражающего глухой звук от падения или удара.

К и р и л л о в к а—В Кирилловке Шевченко родился и провел свое детство. Теперь Кирилловка—село Шевченково на Киевщине.

«К с е н д з ы, й е з у и т ы»—Иезуиты—монахи воинствующего католического духовного ордена. Главная роль в пропаганде унии принадлежит известному иезуитскому проповеднику Петру Скарге и папскому легату (послу) Антонию Поссевину, ездившему в Москву с целью склонить царя Ивана IV в католичество. О Поссевине и говорит Шевченко в своем примечании. С введением унии социально-экономическое угнетение украинских народных масс усугубилось национально-религиозным гнетом. Об этом гнете и роли иезуитов Энгельс пишет: «...в XVI веке, когда в Польше господствовали иезуиты, православных русских подданных Польши принуждали переходить в римскую церковь» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 11).

ПИР В ЛИСЯНКЕ

«Вечерело. Над Лисянкой...»—Переноса встречу Железняка с Гонтой в Лисянку, Шевченко отступает от исторической действительности. Гонта присоединился к Железняку только под Уманью.

«Вот копейка... посмотри-ка!»—Существовало, видимо, народное предание о том, что царские копейки были условным знаком, по которому гайдамаки узнавали друг друга.

Г р е б л я—по-украински: плотина.

З а п а с к а—женская одежда, состоящая из двух отдельных кусков материн, заменяющая юбку.

Л е б е д и н—женский монастырь, как поясняет Шевченко. Лебединский женский монастырь возник в 1779 г., следовательно, во время Коливищины, в 1768 г., он еще не существовал.

Ч е б о т а р ь—сапожник.

ЛЕБЕДИН

«Загребай, мама, жар, жар...»—слова из украинской свадебной песни.

И с а и я л и к у й—свадебное церковное песнопение.

ГОНТА В УМАНИ

Б а з и л и а н ц ы, базилиане—монахи униатского ордена св. Василия, имевшие в Умани свою школу.

«Поскакали... пагодоу»—Приведенная в примечании Шевченко цифра убитых драгун—3000—является преувеличенной.

У б и й с т в о д е т е й Г о н т ы. В действительности Гонта не убивал своих детей. У него было четыре взрослых дочери и один сын.

Сведения об убийстве Гонтой своих сыновей Шевченко взял из произведения польского писателя Чайковского «Вернигора», который ссылается

на мемуары Младановича (сына убитого уманского губернатора). Однако в напечатанных мемуарах Младановича об убийстве сыновей Гонты не упоминается.

В примечании Шевченко ошибочно смешал Младановича с «безымянным учеником уманским», о котором Чайковский говорит, что он «во время всей той резни сидел под колокольной базилианского костела».

Во времена Шевченко существовало народное предание, будто бы сын Гонты жив, скрывается «где-то на Волощине» (Валахии) и что он возглавит восстание крестьян против панов.

Умань—один из крупных городских центров Правобережья в 60-х гг. XVIII столетия.

«Хвалилися гайдамаки»—Эпиграф взят из народной песни о Швачке—одном из вождей гайдамачины. Эту песню Шевченко очень любил и часто певал ее.

ЭПИЛОГ

Миней, Четъи-Миней—книга «жития святых» на каждый день.

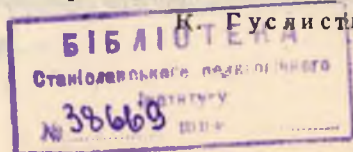
«Не по книжкам я толкую...»—Эти слова не совсем соответствуют действительности. Как показывает изучение текста «Гайдамаков» и примечаний к ним, Шевченко кроме знакомства с народными преданиями, которые были основным источником при написании «Гайдамаков», прочитал немало книг и статей по истории Украины и Польши, а также произведений польских писателей.

«Погуляли гайдамаки...»—Гонта и Железняк с гайдамаками были взяты под Уманью царским войском, которое, разбив конфедератов, вместе с польской шляхтой начало подавлять движение. Гонта был передан польским властям, а Железняк отправили в Киев. Военно-судебная комиссия, назначенная коронным ловчим Браницким, приговорила Гонту к жесточайшей казни.

Железняк киевская губернская канцелярия приговорила «бить кнутом, дать сто пятьдесят ударов и, вырезав ему ноздри и поставя на лбу и щеках указные знаки, сослать в Нерчинск в каторжную работу вечно». По дороге в ссылку Железняк бежал, но был пойман. В конце 1769 или в начале 1770 года Железняк, как говорит Державин, сидел под арестом в Москве, откуда, очевидно, и был отправлен в Нерчинск. Где умер Железняк—неизвестно.

«Сечь родная погибла, распалась...»—В 1775 г. Екатерина II уничтожила Запорожскую Сечь. Часть запорожцев бежала за Дунай в турецкие владения, где образовала Задунайскую Сечь. Часть же вошла в состав так называемого Черноморского козачества, переселенного затем на Кубань и образовавшего кубанское войско.

Старший научный сотрудник
Института истории Украины Академии наук УССР

СОДЕРЖАНИЕ

Тарас Шевченко и его поэма «Гайдамаки». Александр Дейч. 3

«ГАЙДАМАКИ»

[Посвящение]	13	Гупаливщина	64
Интродукция	21	Пир в Лисянке	69
Ярема	23	Лебедин	79
Конфедераты	27	Гонта в Умани	83
Ктигор	32	Эпилог	93
Праздник в Чигирине	40	Предисловие	98
Третьи петухи	53	Примечания Шевченко	100
Кровавый пир	58		

Пояснения к переводу поэмы. К. Гуслистый. 102

Автопортрет с офорта Т. Г. Шевченко.

Ответственный редактор М. Ф. Рыльский.
Технический редактор Н. Греймер.
Корректор А. Мискарьянц.

Уполномоч. Главлита № А-420. Тираж
20.000 экз. С. П. № 131. Слана в проив.
15/1 1939 г. Подписана к печати 27/11
1939 г. Колич. печ. листов 7. Учет.-издат.
лист. 7,27. Колич. печ. знак. в листе 34560.
Бумага 70×100 см. 1/16. Зак. 127.
Цена 4 р. Переплет 2 р.

16-я типография треста «Полиграфкнига».
Москва, Трехпрудный пер., 9.

23

НБ ПНУС

38669

Могие
Коллеге
15 р.

3710/VI-40

12

ИБ ИИУС

38669